Карский.

Белорусская речь

1918 г.

ИЗДАНІЕ БѢЛОРУССКАГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ПРИ ВСЕРОССІЙСКОМЪ СОВѢТѢ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

№ 2.

Е. Ѳ. КАРСКІЙ.

БѢЛОРУССКАЯ РѢЧЬ.

Очеркъ народнаго языка съ историческимъ освѣщеніемъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Я. Башмаковъ и Ко. (Надеждинская, 43).
1918.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Образовавшійся при Всероссійскомъ Совѣтѣ Крестьянскихъ Депутатовъ Бѣлорусскій Областной Комитетъ, въ который вошли исключительно представители трудового крестьянства отъ Бѣлорусской Области въ Исполнительномъ Комитетѣ Совѣта и на Чрезвычайномъ и 2-мъ Всероссійскомъ Съѣздѣ Крестьянскихъ Депутатовъ, созвалъ на 15-е декабря 1917 г. въ г. Минскѣ 1-й Всебѣлорусскій Съѣздъ. На обсужденіе и рѣшеніе Съѣзда былъ поставленъ цѣлый рядъ докладовъ и сообщеній освѣдомительнаго и организаціоннаго характера. Какъ извѣстно, Съѣздъ не успѣлъ довести своего дѣла до конца, такъ какъ въ ночь съ 17-го на 18-е декабря былъ разогнанъ «Комиссарами Западной Области».

Бѣлорусскій Областной Комитетъ, согласно настойчивому желанію участниковъ Съѣзда, постановилъ: всѣ прочитанные на Съѣздѣ, а также заявленные Комитету доклады напечатать для широкаго распространенія и для руководства дѣятелей бѣлорусскаго движенія.

Настоящая работа академика Е. Ө. Карскаго является однимъ изъ такихъ докладовъ и служитъ необходимымъ пособіемъ при изученіи бѣлорусскаго языка.

Бѣлорусскій Областной Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ выразить чувство признательности и благодарности

*

Почетному Предсѣдателю Президіума I-го Всебѣлорусскаго Съѣзда, академику Е. Ѳ. Карскому за безвозмездное предоставленіе имъ своей работы въ распоряженіе Комитета.

Бѣлорусскій Областной Комитетъ.

Декабрь 1917 г.
г. Минскъ.

Исторія бѣлорусскаго языка дана нами въ трехъ книгахъ «Бѣлорусовъ» (т. II, вып. 1—3). Но для чтенія ея требуется нѣкоторая филологическая подготовка, которою могутъ обладать далеко не всѣ тѣ бѣлорусы, которые пожелаютъ ознакомиться съ исторіей своего языка. Поэтому мы рѣшились дать краткій популярный очеркъ этого предмета. Появленіе его тѣмъ болѣе естественно, что указанный выше томъ «Бѣлорусовъ» въ настоящее время въ полномъ видѣ уже и не имѣется въ продажѣ. Думаю, что нашъ очеркъ не безполезенъ будетъ и для студентовъ-филологовъ и вообще для интеллигентныхъ лицъ, интересующихся исторіей русскаго языка и его діалектологіей.

Е. Карскій.

БѢЛОРУССКАЯ РѢЧЬ.

I. Мѣсто бѣлорусскаго племени и его языка въ русской семьѣ.

Русскій народъ слагается изъ трехъ большихъ группъ: великорусовъ, малорусовъ (украинцевъ) и бѣлорусовъ. Каждая изъ этихъ частей разнится одна отъ другой и по языку. Представляя одну общую основу, языкъ каждой изъ названныхъ группъ имѣетъ свои діалектическія отличія, иногда очень значительныя [1]).

---

[1]) Различіе въ языкѣ между главными тремя русскими группами, говоря вообще, не особенно велико: даже между самыми отдаленными ихъ нарѣчіями гораздо больше точекъ соприкосновенія, нежели между самыми близкими языками изъ другихъ славянскихъ группъ, какъ русскимъ, сербскимъ и болгарскимъ, или чешскимъ и польскимъ. *Всѣ вѣтви русскаго языка роднитъ одна общая основа.* Не касаясь несомнѣннаго доисторическаго единства русскаго языка и даже почти полнаго единства въ началѣ его исторической жизни, укажемъ здѣсь лишь тѣ общія черты, которыя свойственны въ настоящее время всѣмъ группамъ русскаго языка и ихъ подраздѣленіямъ на нарѣчія и говоры. Онѣ слѣдующія:

1. На мѣстѣ основныхъ славянскихъ и конечно ц.-слав. *ъ* и *ь* во всемъ русскомъ языкѣ находимъ подъ удареніемъ *ó* и *é*, то же въ нѣкоторыхъ другихъ группахъ, неудобныхъ для произношенія: съпъ=*сон*, дьнь=*день*, мрьтвьца=мер*твеца*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ иное: напр., серб. дан, сан, польск. dzień, sen и т. д.

2. На мѣстѣ основныхъ славянскихъ сочетаній ъr̥—ъl̥, ьr̥—ьl̥ (съ неслоговыми глухими ъ и ь и слогообразующими r и l), окруженныхъ согласными, при ц.-слав. *ръ—лъ, рь—ль*, имѣемъ *ор—ол, ер—ел*: тръгъ=торг, влъкъ=волк, срьна=серна, жльтъ = жолт (изъ желт). Въ другихъ славянскихъ языкахъ большое разнообразіе въ замѣнахъ указанныхъ сочетаній: серб. трг, вук, срна, польск. targ, wilk, wierzba и т. д.

3. Но особенно характерной чертой русскаго языка является *полногласіе*, т.-е. употребленіе слоговъ *оро—оло, ере—еле—оло* на мѣстѣ основныхъ славянскихъ or̥—ol̥, er̥—el̥ тамъ, гдѣ въ ц.-слав.

Бѣлорусское племя занимаетъ, говоря вообще, западное положенiе въ отношенiи къ великорусскому, а къ малорусскому—сѣверозападное, представляя на своихъ границахъ

ра—ла, рѣ—лѣ: брада=борода, глава=голова, брѣгъ=берег, жлѣза=железа, млѣко=молоко. Въ другихъ славянскихъ языкахъ иное: серб. бра́да, гла́ва, бре̑г—бриjег, жлиjе̏зда, у поляк. głowa, broda, mleko, brzeg, и т. п.

4. На мѣстѣ основныхъ славянскихъ носовыхъ *о* и *е*, ц.-слав. ѫ и ѧ, находимъ гласные чистые: *ѫ=у* (ѭ=ю), *ѧ=а* (послѣ шипящихъ, да и въ другихъ случаяхъ, гдѣ пишется *я*, т.-е. то же *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго; *ѩ=я*): дѫбъ=дуб, моѭ=мою, чѧсть=часть, пѧть=пять, ѩзыкъ=язык; въ другихъ славянскихъ языкахъ: серб. дуб, болг. дъб, словин. dob, польск. dąb; серб. чест (чѧстъ), польск. część, серб. пет, чеш. pět, польск. pięć, серб. језик, польск. język.

5. На мѣстѣ группъ dj и tj, при ц.-слав. *шт* и *жд*, имѣемъ *ж* и *ч*: межда=межа, тысѧшта=тысяча. Въ другихъ славянскихъ языкахъ разнообразiе замѣнителей: серб. међа, тисућа, польск. miedza, tysiąc.

6. На мѣстѣ основныхъ группъ *бj*, *пj*, *вj*, *мj* находимъ *бл*, *пл*, *вл*, *мл*, какъ и въ большинствѣ памятниковъ ц.-славянскаго языка, а также во всей югозападной группѣ славянскихъ языковъ, кромѣ болгарскаго; сѣверозап. группа (польскiй, чешскiй, лужицкiй) не знаютъ этого смягченiя: люблю, куплю=lubię, kupię и т. п.

7. Отсутствiе *д* и *т* передъ *л* и *н*: молить изъ *модлити, плёл изъ *плетлъ, вянуть изъ *вѧднѫти. Въ сѣверозападной группѣ здѣсь *д* и *т* удерживаются: польск. modlić, чешск. modliti, польск. szedł, plotł, чешск. padl, vadnouti.

8. На мѣстѣ основного славянскаго начальнаго *е* въ нѣкоторыхъ словахъ, ц.-слав. є—ѥ, обыкновенно бываетъ *о*: один, озеро, осень и т. д.=ц.-сл. ѥдинъ, ѥзеро, ѥсень и т. д., серб. један, језеро, јесен, польск. jeden, jesień, jezioro и т. д.

9. Одинаковыя морфологическiя и словарныя особенности. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ въ подробностяхъ, отмѣчу для примѣра приставку р о з, общую всѣмъ русскимъ говорамъ; если литературный языкъ и южновеликорусы знаютъ и р а з, то это объясняется ихъ аканьемъ. Изъ словарныхъ отличiй можно указать, напр. с о р о к, извѣстное всему русскому языку (какъ раннее заимствованiе у грековъ) и неизвѣстное другимъ славянскимъ языкамъ. Правда, въ лексическомъ отношенiи малорусскiй и бѣлорусскiй языки вслѣдствiе продолжительной общей жизни съ поляками развили нѣсколько особыхъ словъ для выраженiя больше культурныхъ понятiй; также и великорусскiе говоры вслѣдствiе татарскаго ига и столкновенiя съ разными азiатскими народами приняли въ свой словарь немало восточныхъ словъ; но все это не разрушаетъ основного словарнаго единства по сравненiю съ другими славянскими языками, наблюдаемаго во всѣхъ русскихъ говорахъ.

10. Во всѣхъ русскихъ группахъ, говоря вообще, въ словахъ о д и н а к о в о е у д а р е н i е, основанное на одной и той же системѣ.

смѣшанные, переходные къ тѣмъ и другимъ говоры. На западѣ оно соприкасается съ поляками, литовцами и латышами. Граница эта примѣрно можетъ быть проведена, направляясь съ запада на востокъ,—со стороны великорусовъ—по самымъ южнымъ частямъ уѣздовъ Опочецкаго, Великолуцкаго и Торопецкаго Псковской губерніи, по югозападнымъ окраинамъ Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ Тверской г. (въ послѣднемъ по верховьямъ р. Туда); далѣе граница опускается на югъ по Смоленской г., захватывая въ бѣлорусскую область Бѣльскій, Порѣчскій, Духовщинскій, Смоленскій, Красненскій, Рославльскій (отчасти со смѣшаннымъ населеніемъ), Дорогобужскій и Ельнинскій уѣзды (кромѣ восточныхъ окраинъ двухъ послѣднихъ); затѣмъ она касается самой западной части Жиздринскаго у. Калужской губ. и подходитъ къ р. Деснѣ въ Орловской губ., отдѣляя въ Бѣлорусскую область двѣ крайнія волости Брянскаго уѣзда и нѣсколько деревень Трубчевскаго; по Деснѣ граница вступаетъ въ Черниговскую губ., отдѣляя уже бѣлорусовъ отъ малорусовъ; здѣсь она идетъ въ югозападномъ направленіи по сѣвернымъ частямъ Новгородсѣверскаго у. и далѣе до границы съ Могилевской губерніей, захватывая въ бѣлорусскую область уѣзды Черниговской губ. Мглинскій, Стародубскій, Суражскій, Новозыбковскій, часть Городнянскаго (во всѣхъ уѣздахъ смѣшанное населеніе); отъ м. Любеча граница спускается внизъ по Днѣпру до рубежа Минской г. съ Кіевской, захватывая весь Рѣчицкій уѣздъ въ Бѣлорусскую область; у Мозыря она направляется по р. Припяти на западъ до пересѣченія ея границей Пинскаго уѣзда и далѣе до впаденія въ нее р. Бобрика; по этой послѣдней граница идетъ на сѣверозападъ и до оз. Выгоновичскаго; затѣмъ на югозападъ по границѣ Гродненской г. до оз. Чернаго и далѣе на западъ черезъ Пружаны, Бѣловѣжъ къ р. Нареву до м. Суража; отсюда почти по прямой линіи на сѣверъ до г. Августова Сувалкской г. Сѣверозападная граница, начиная отъ Августова, сначала ломанной линіей идетъ на востокъ по Августовскому и Гродненскому уѣздамъ, затѣмъ по Лидскому и Ошмянскому Виленской губ., а далѣе не доходя г. Вильны верстъ на 40 съ югозапада, запада (въ Трокскомъ у.) и сѣвера (въ Виленскомъ у.), въ Свенцянскомъ у. переходитъ почти въ сѣверное направленіе, захва-

тывая восточный уголъ Новоалександровскаго у. Ковенской губ. и восточную часть Иллукстскаго у. Курляндской губ., къ р. Зап. Двинѣ сѣверо-западнѣе Двинска; затѣмъ граница идетъ на востокъ до м. Придруйска, а отсюда ломанной линіей на сѣверъ по уѣздамъ Дриссенскому и Люцинскому Витебской губ. примѣрно до ст. Корсовка Сѣверозападныхъ желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ территорія бѣлорусскаго племени обнимаетъ слѣдующія губерніи: Могилевскую—полностью, Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую—большую часть; Смоленскую—половину, Черниговскую—значительную часть; ей принадлежатъ также незначительныя поселенія въ губерніяхъ Калужской, Ковенской, Курляндской, Орловской, Псковской, Сувалкской и Тверской [1]).

Въ очерченномъ пространствѣ бѣлорусы составляютъ главную массу населенія, простирающуюся до 10 милліоновъ. Громадное большинство бѣлорусовъ—православные, но на западныхъ окраинахъ имѣются и католики, въ Сувалкской и отчасти западныхъ уѣздахъ Гродненской, Виленской и Витебской, а также въ восточныхъ уѣздахъ Ковенской и Курляндской—составляющіе большинство; въ незначительномъ количествѣ католики имѣются и въ другихъ губерніяхъ [2]).

2. Образованіе бѣлорусской народности и языка.

Современная бѣлорусская рѣчь сложилась постепенно, исторически, изъ языка тѣхъ древнерусскихъ племенъ, которыя преимущественно въ эпоху литовскаго господства легли въ основу бѣлорусской народности. Насколько можно судить по сообщенію нашей Начальной Лѣтописи, эти племена были дреговичи, радимичи и отчасти кривичи (полоцкіе и смолен-

---

[1]) Подробное опредѣленіе границъ Бѣлорусскаго племени съ картой имѣется въ нашей книгѣ: „Этнографическая карта Бѣлорусскаго племени". Труды по изученію племенного состава населенія Россіи. 2. Петроградъ. 1917. Изданіе Россійской Академіи Наукъ. Переизданіе этой работы (Пгр. 1918) сдѣлано Бѣлорусскимъ Областнымъ Комитетомъ.

[2]) Ср. ib., 27. Въ 1897 г. всего было: православныхъ 4.661.966, католиковъ 1.050.285 чел.

скіе). Сближеніе этихъ племенъ особенно усилилось въ періодъ удѣльно-вѣчевой жизни русскаго народа, но окончательно сплотило ихъ въ одну бѣлорусскую народность литовское владычество въ XIII—XIV вѣкахъ. Въ это же время и отчасти позже бѣлорусы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ассимилировали себѣ сѣверянъ, вятичей и даже нѣкоторыя литовскія племена, напр. ятвяговъ и голядь. Образовавшаяся такимъ образомъ бѣлорусская народность и ея языкъ въ духовномъ отношеніи совершенно покорили себѣ литовцевъ: послѣдніе начали перенимать у западнорусовъ нажитую ими цивилизацію, постепенно усваивали языкъ и даже православную религію. Уже при Ольгердѣ литовское правительство нашло необходимымъ признать русскій языкъ оффиціальнымъ: за правительствомъ послѣдовало и высшее общество. Вотъ какъ объ этомъ въ Римѣ говорилъ папѣ въ своей рѣчи въ 1501 г. виленскій прелатъ Эразмъ Вителлій: (Lithuani) linguam propriam observant. Verum quia Rutheni medium fere ducatum incolunt, illorum loquela dum gracilis et facilior sit, utuntur communius [1]).

Въ разсматриваемое время бѣлорусская рѣчь уже заключала въ себѣ почти всѣ тѣ фонетическія и морфологическія особенности, которыя характеризуютъ ея звуки и формы теперь; лишь словарный ея составъ и синтактическая сторона продолжали измѣняться и въ послѣдующее время, въ эпоху польскаго владычества и вліянія, которое было довольно значительно уже въ XV и особенно усилилось въ XVI вѣкѣ и въ послѣдующее время до окончательнаго присоединенія Западной Руси къ Восточной. Возникшіе въ Литовско-русскомъ государствѣ сеймы, городское самоуправленіе, стоявшее въ связи съ появленіемъ Магдебургскаго права, призывавшіе къ государственной жизни и дѣятельности высшій и средній—городской классы общества, заставили обратить особое вниманіе на языкъ, какъ главный проводникъ общественныхъ интересовъ. Господствовавшій тогда литературный языкъ, общій

[1]) Oratio Erasmi Vitellii praepositi Vilnensis въ изданіи Theiner: Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, II (Romae 1861), 278. Переводъ: Литовцы имѣютъ собственный языкъ. Но такъ какъ русскіе населяютъ середину государства, то всѣ обычно пользуются ихъ рѣчью, такъ какъ она нѣжна и болѣе легка.

западной Руси и восточной, полный церковнославянизмовъ, для указанныхъ цѣлей оказался неподходящимъ, какъ уже раньше онъ былъ признанъ неудобнымъ для грамотъ и актовъ. Развитію ц.-славянскаго языка хотя и съ русскими особенностями въ западной Руси мѣшало между прочимъ и отсутствіе образованнаго православнаго духовенства, главнаго хранителя этого языка. Вслѣдствіе сказаннаго для выраженія общественно-государственныхъ интересовъ нужно было прибѣгнуть къ языку народному; а такъ какъ въ немъ многихъ терминовъ для выраженія новыхъ понятій не было, то пришлось брать ихъ изъ другихъ языковъ, и прежде всего изъ польскаго и при посредствѣ его изъ западныхъ языковъ, такъ какъ съ нимъ были знакомы, вслѣдствіе частыхъ общеній съ Польшей, высшій и отчасти средній классы. Когда вслѣдствіе распространенія политической и религіозной уніи съ Польшей (въ концѣ XVI в.) усилился въ Бѣлоруссіи польскій католицизмъ, вліяніе польскаго языка на народъ и на духовенство стало особенно замѣтно [1].

Слѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ причинъ было то, что выработавшійся къ концу XVI вѣка литературный западно-русскій языкъ изобиловалъ массой полонизмовъ, конечно преимущественно въ словарѣ; рядомъ съ нимъ существовалъ языкъ простого народа—довольно чистый русскій языкъ, тоже не свободный отъ полонизмовъ, но вообще говоря—имѣвшій ихъ мало. Фонетическія (въ звукахъ) и морфологическія (въ словообразованіи) особенности въ томъ и другомъ языкѣ развивались сообща, сходно; но синтаксисъ въ литературномъ часто отступалъ отъ народнаго, а словарь еще больше расходился особенно въ произведеніяхъ переводныхъ. Въ болѣе неаккуратныхъ изъ нихъ польскій оригиналъ часто только переписывался русскими буквами, да въ фонетикѣ и морфологіи отчасти исправлялись явные полонизмы. Играть роль литературнаго и оффиціальнаго языка ему пришлось долго. Лишь въ самомъ концѣ XVII в. онъ былъ вытѣсненъ изъ судебноадминистративной практики польскимъ языкомъ, но въ другихъ областяхъ онъ продолжалъ существовать (хотя

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ можно читать въ н а ш и х ъ „Бѣлорусахъ“, III, вып. 2, въ главѣ: „Выступленіе народнаго языка въ Западной Руси въ роли литературнаго органа“.

и былъ большею частью заключенъ въ польское письмо) до конца XVIII столѣтія. Народный бѣлорусскій языкъ живетъ до сихъ поръ. Съ начала XIX столѣтія предпринимались попытки дать и ему литературную обработку, но послѣдней въ болѣе или менѣе удовлетворительной степени онъ достигъ лишь къ концу XIX и началу XX-го столѣтія.

3. Памятники стараго и современнаго бѣлорусскаго языка.

И старый литературный западнорусскій языкъ и современная народная бѣлорусская рѣчь дошли до насъ во множествѣ памятниковъ языка писанныхъ, а послѣдняя и въ живомъ употребленіи. Такъ какъ время появленія и распространенія стараго западнорусскаго языка, насколько можно было видѣть изъ предыдущаго, относится главнымъ образомъ къ XIV—XVII вѣкамъ, времени не особенно отдаленному отъ насъ и притомъ богатому проявленіями общественно-политической жизни, то памятниковъ, носящихъ слѣды бѣлорусскаго нарѣчія, лежавшаго въ основѣ стараго литературнаго западнорусскаго языка, до насъ дошло очень много. Мы имѣемъ массу грамотъ и актовъ, особенно судебныхъ и другихъ старинныхъ документовъ, порядочное количество рукописныхъ книгъ—богослужебныхъ, библейскихъ, святоотческихъ, лѣтописей, хроникъ, хронографовъ, беллетристическихъ въ повѣствовательномъ родѣ и т. п., а еще болѣе старопечатныхъ книгъ. Въ одномъ Виленскомъ архивѣ описанныхъ актовъ имѣется свыше 200.000; грамотъ только до конца XV в. извѣстно больше 130; рукописныхъ книгъ не юридическихъ съ XIV до конца XVI в. извѣстно свыше 80; старопечатныхъ книгъ съ бѣлорусскими особенностями за одно XVI столѣтіе можно указать больше 30 [1]). Отмѣчу

---

[1]) Подробное перечисленіе западнорусскихъ грамотъ и другихъ юридическихъ произведеній, по крайней мѣрѣ древнѣйшихъ, дано у насъ въ I т. „Бѣлорусовъ“ (стр. 357—368) и во II т., вып. 3 (стр. 301—302); изданія ихъ перечислены тамъ же, въ I т. (349—357) и во II т., вып. 3 (300—301). Слѣдуетъ прибавить еще акты изъ „Литовской метрики“, изданные въ „Русской Историч. Библіотекѣ“, т.т. XX, XXVII, XXX и XXXIII. Описаніе цѣлыхъ сотенъ неизданныхъ западнорусскихъ документовъ и разныхъ юридическихъ актовъ имѣется въ

самыя интересныя въ отношеніи языка рукописи и старопечатныя книги.

1. Четья Минея 1489 г. (Археолог. музей при Кіевск. Дух. Академіи).

2. Лѣтопись вел. князей литовскихъ XV в. (Библіотека гр. Уваровыхъ).

3. Лѣтописный сборникъ Авраамки не позже 1495 г. (Вилен. Публ. Библ.).

4. Никифоровскій сборникъ третьей четверти XV в. съ Литовской лѣтописью (Россійск. Акад. Н.).

5. Сборникъ XV в. съ повѣстями о поклоненіи волхвовъ, страстяхъ Господнихъ и житіи Алексѣя (Петрогр. Публ. Б. Q. I № 391).

6. Сборникъ конца XV ст. подобнаго содержанія (М. Син. Б. № 367).

7. Сборникъ XVI в. съ повѣстью о трехъ короляхъ (М. Син. Б. № 558).

8. Сборникъ 1519 г. б. Супрасльск. м-ря съ литов. лѣтописью (Петрогр. Археогр. Коммиссіи).

9. Сборникъ XVI в. (Библіотеки гр. Красинскихъ въ Варшавѣ № 408), содержащій, кромѣ литовскихъ лѣтописей, и другія интересныя статьи.

10. Сборникъ XVI в. (Библіотеки гр. Рачинскихъ въ Познани № 94) разнообразнаго содержанія.

11. Западнорусская Псалтырь XVI в. (М. Публ. и Рум. М. № 335).

12. Библейскія книги, переведенныя съ еврейскаго (Сборн. XVI в. Вил. Публ. Б. № 262).

13. Тайна тайныхъ. Аристотелева врата XVI в. (Вил. Пуб. Б. № 272).

14. Сборникъ XVI в. (б. Чудова м-ря № 62/264, нынѣ М. Синод. Б.).

15. Книги ветхаго завѣта XVII в. (Петрогр. Публ. б. Толст. № 158).

16. Сборникъ XVII в. съ повѣстями о Троѣ и Александрѣ Македон. (Петрогр. Публ. Б. F. XVII, № 5).

---

9 большихъ выпускахъ: „Описи документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ“ (Вильна. 1901—1912). И другія старинныя западнорусскія произведенія перечислены мною въ I т. „Бѣлорусовъ“ (стр. 368—405) и во II т., вып. 3 (302—311); тутъ же указаны изданія и изслѣдованія этихъ произведеній, особенно въ отношеніи языка. Со стороны историко-литературной они разсматриваются у насъ въ III т. „Бѣлорусовъ“, вып. 2: „Старая западнорусская письменность“. И лингвистическія данныя большинства старинныхъ памятниковъ собраны нами во II томѣ „Бѣлорусовъ“ (вып. 1, 2 и 3). Подробная литература предмета перечислена въ указанныхъ работахъ.

17. Хронографъ XVII в. (М. Публ. и Рум. Муз. № 2405).

18. Сборникъ XVII в., содержащій между прочимъ Баркалабовскую лѣтопись (Моск. Синод. Б. № 790).

19. Псалтырь XVII в. (М. Публ. и Рум. Муз. № 1017).

20. Переводъ хроники М. Бѣльскаго. Рукопись XVII в. (Петр. Публ. Б. F. IV, № 688).

Изъ старопечатныхъ книгъ укажемъ:

1. Библію д-ра Фр. Скорины, напечатанную въ Чешской Прагѣ и Вильнѣ съ 1517 по 1525 г.

2. Кальвинскій Катихизисъ С. Буднаго, напечатанный въ Несвижѣ въ 1562 г.

3. Евангеліе въ переводѣ В. Тяпинскаго, напечат. въ кочевой типографіи въ 1580 г.

4. Литовскій статутъ 1588 г., напечат. въ Вильнѣ.

5. Гаръмонія, альбо согласіе вѣры, сакраменътовъ и церемоней восточъное церъкви с костеломъ Рымскимъ. У Вилни 1608 г.

6. Учительное Евангеліе Каллиста, напечат. въ Евьи въ 1616 г.

Памятники современнаго живого бѣлорусскаго языка сохранились въ рукописяхъ и напечатанными въ разныхъ сборникахъ, возникшихъ преимущественно въ XIX столѣтіи. Одни изъ нихъ воспроизводятъ чисто народныя произведенія (это большинство), другіе даютъ искусственную обработку народной рѣчи въ произведеніяхъ художественныхъ. Образцы послѣднихъ можно указать уже въ XVII в., но особенно много такихъ попытокъ явилось въ XIX и XX столѣтіяхъ [1].

Вотъ главнѣйшіе памятники и собранія народныхъ произведеній:

1. Я. Чечотъ. Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1846.

2. Евст. Тышкевичъ. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno. 1847.

---

[1]) Всѣ извѣстныя собранія народныхъ произведеній описаны и охарактеризованы у насъ въ I т. „Бѣлорусовъ“ (199—340) и въ 3 вып. II-го тома (288—300). Тамъ же перечислены и искусственныя произведенія на живомъ народномъ языкѣ (I т., 430—453; II т. 3 вып., 312—335). Историко-литературному изслѣдованію произведеній народной словесности у насъ посвященъ т. III „Бѣлорусовъ“, вып. 1: „Народная поэзія“ (Москва. 1916), а искусственнымъ произведеніямъ на народномъ языкѣ отводится того же III тома вып. 3: „Литература на бѣлорусскомъ народномъ языкѣ“.

3. П. Шпилевскій. Бѣлорусскія пословицы. Спб. 1853.
4. С. Микуцкій. Бѣлорусскія пѣсни и загадки, записанныя въ Витебской губ., въ имѣніи Зябки Дриссенскаго уѣзда. Спб. 1853.
5. П. Гильтебрандтъ. Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверозападномъ краѣ. Вып. I. Вильно. 1866.
6. М. Дмитріевъ. Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ сѣверозападнаго края. Гродно. 1868.
7. Его же. Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверозападнаго края. Вильно. 1869.
8. П. Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни. Москва. 1871.
9. И. Носовичъ. Бѣлорусскія пѣсни. Спб. 1873.
10. Его же. Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ и поговорокъ. Спб. 1874.
11. А. Дембовецкій. Опытъ описанія Могилевской губерніи. I т. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1882.
12. З. Радченко. Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія). Спб. 1888.
13. Е. Ляцкій. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлорусовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. Москва. 1898.
14. В. Добровольскій. Смоленскій этнографическій сборникъ. I—IV. Спб.—Москва. 1891—1903.
15. П. Шейнъ. Бѣлорусскія пѣсни. Спб. 1873.
16. Его же. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-западнаго края. I—III. Спб. 1887—1902.
17. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. I—IX. Кіевъ. Витебскъ. Могилевъ. Вильна. 1886—1912.
18. Его же. Матеріалы по этнографіи Гродн. губерніи. I—II. Вильна. 1911—1912.
19. Н. Никифоровскій. Очерки Витебской Бѣлоруссіи («Этнограф. Обозрѣніе», 1892—1899).
20. Его же. Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ. 1895.
21. Его же. Простонародныя примѣты и повѣрья. Витебскъ. 1897.
22. Его же. Простонародныя загадки. Витебскъ. 1898.
23. Его же. Бѣлорусскія пѣсни-частушки. Вильна. 1911.
24. М. Косичъ. Литвины-бѣлорусы Черниговской губерніи. Спб. 1902.
25. А. Розенфельдъ. Бѣлорусскія народн. пѣсни. Спб. 1904.
26. С. Малевичъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни. Спб. 1907.
27. А. Сержпутовскій. Сказки и разсказы бѣлорусовъ-полѣшуковъ. Спб. 1911.
28. Е. Карскій (редакція): Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Спб. 1897—1910.
29. Его же (редакція). Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ. Спб. 1903—1904.

Изъ позднѣйшихъ польскихъ собраній отмѣтимъ какъ болѣе цѣнныя для изученія народнаго бѣлорусскаго языка:

30. В. Дыбовскій. Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego (Zbiór wiadomości, V [1881], 3—23).

31. Его же. Zagadki białoruskie z gub. Mińskiej (Zbiór wiadomości, X [1886], 157—168).

32. Podania białoruskie, zebrane przez Władysł. Weryhe, poprzedzone wstępem przez Jana Karłowicza. Lwów. 1889.

33. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego g. Grodzieńskiej (Zbiór wiadomości. XVI [1892], XVIII [1895]).

34. М. Федеровскій. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. I—III. W Krakowie. 1897—1903.

35. Э. Клихъ. Texty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego. Kraków. 1903.

Изъ словарей укажемъ:

36. И. Носовичъ. Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. Спб. 1870.

37. В. Добровольскій. Смоленскій областной словарь. Смоленскъ. 1914.

Искусственныя произведенія на живомъ народномъ бѣлорусскомъ языкѣ по рукописямъ и даже печатнымъ изданіямъ извѣстны съ XVII в. Таковы, напр.:

1. Сатира на польскомъ языкѣ, съ привѣтствіемъ Сенька Наливайка на живомъ бѣлорусскомъ яз., напечатанная въ Вильнѣ 1642 г. «Witanie ná Pierwszy Wiazd z Krolewca do Kadłvbka Sáskiego Wileńskiego Ixa Her N. Lvtermachra».

2. Интермедія въ рукописи 1651 г. (Петр. Публ. б. Польск. Q. XIV. 18) въ качествѣ вступленія (Accessus) къ драмѣ: «Comoedia de Iakob et Ioseph Patriarchis».

3. Интермедіи въ рукописи 1661—1698 г. (Публ. б. Разноязычн. Q. XIV. 10).

4. Интермедіи въ рук. XVII ст. (Публ. б. Польск. Q. XIV № 12).

5. Интермедіи въ рук. XVIII ст. (Публ. б. Разнояз. Q. XIV № 30).

6. Сборникъ 1787 г. (Вилен. Публ. б № 201. Б 4) съ драматическими произведеніями Морашевскаго и Цецерскаго.

7. Рукопись второй половины XVIII в. (Публ. б. Польск. Q. XV № 28, л. 192 sq.) съ разговоромъ между крестьяниномъ и евреемъ; въ рѣчь вводятся даже пѣсни.

8. Изъ представленныхъ въ Смоленской семинаріи комедій въ XVIII в. (рук. Петр. Публ. б. Q. XVII № 108, лл. 66 б—70 б).

9. В. Ровинскій. «Бѣлорусская Энеида на изнанку», возникшая въ началѣ XIX ст.

10. А. Рыпинскій. Białoruś. Paryż. 1840.

11. Я. Чечотъ. Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1844. Тутъ 28 искусственныхъ пѣсенъ. Есть онѣ и въ другихъ его книжкахъ.

12. В. Дунинъ-Марцинкевичъ. Селянка, Гаповъ, Вечерницы и др.

13. «Тарасъ на Парнасѣ».

14. А. Ельскій. Pan Tadeusz. Переводъ изъ Мицкевича. Ему же принадлежитъ нѣсколько брошюръ разнаго рода.

Произведенія новѣйшихъ писателей на бѣлорусскомъ языкѣ:

15. Францишка Богушевича (Мацея Бурачка);
16. Яна Неслуховскаго (Янка Лучины);
17. Луцевича (Янка Купала);
18. Мицкевича (Якуба Коласа и Тараса Гущи);
19. Альберта Павловича;
20. М. Богдановича и др.

Современная бѣлорусская рѣчь и старый западнорусскій языкъ въ настоящее время уже въ достаточной степени изучены и имѣютъ значительное количество трудовъ, посвященныхъ имъ [1]). Главнѣйшія изъ такихъ работъ слѣдующія:

Н. Недешевъ. Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ («Русскій Филолог. Вѣстникъ», XII т. [1884]).

П. Владимировъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888.

А. Соболевскій. Опытъ русской діалектологіи. Вып. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское. Спб. 1897.

Е. Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва. 1886.

Его же. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава. 1893 (изъ «Русск. Филол. Вѣстника»).

Его же. Бѣлорусы, т. II, Варшава, вып. 1—1908, вып. 2—1911, вып. 3—1912.

Н. Дурново, Н. Соколовъ и Д. Ушаковъ. Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ, съ приложеніемъ Очерка русской діалектологіи. Москва. 1915 (изъ «Русск. Филол. Вѣстника»).

---

[1]) Всѣ они перечислены у насъ въ „Бѣлорусахъ", I, 199—340, 405—429; II т., вып. 3, стр. 288—299, 311—312. Результаты этихъ изученій объединены во всѣхъ трехъ выпускахъ II-го тома „Бѣлорусовъ".

4. Главнѣйшія особенности бѣлорусской рѣчи.

Въ основу бѣлорусскаго языка легла западная вѣтвь среднерусскихъ говоровъ; вслѣдствіе этого естественно, что онъ находится въ самой близкой связи съ южновеликорусскимъ нарѣчіемъ, и многія черты послѣдняго свойственны и бѣлорусскимъ говорамъ; поэтому въ пограничныхъ мѣстностяхъ часто бываетъ нелегко отличить бѣлорусовъ отъ южновеликорусовъ. Особенно роднитъ ихъ съ послѣдними усиленное аканье (обращеніе и *е* въ *а*): нясу́, бяда́, а также звукъ *г* = *h*. Однако, прислушавшись къ рѣчи бѣлорусовъ, можно замѣтить у нихъ и особыя черты, отчасти исключительно имъ свойственныя, отчасти общія съ малорусами. Эти особенности слѣдующія: 1) появленіе *дз* и *ц* мягкихъ вмѣсто *д* и *т* мягкихъ: хадзи́ць (иногда этихъ свистящихъ звуковъ и не бываетъ); 2) возникновеніе *ў* краткаго на мѣстѣ *у* безударнаго, стоящаго передъ согласными: ўмёр; на мѣстѣ предлога *въ*: ўкинуў ў мѣх, и — что особенно характерно — на мѣстѣ *л* въ прошедшемъ времени и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, гдѣ оно изъ *лъ*—*ъл*: быў, прасиў, поўны; 3) усиленное произношеніе согласныхъ, доходящее до удвоенія ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится стоять передъ j: Илля́, вясе́лле; 4) появленіе слоговъ *ыj*, *іj* вмѣсто великорусскихъ *оj*, *еj*: мыю — мый, пій, шыя, злый; 5) неумягчительность *р* въ въ однихъ говорахъ и смѣшеніе *р* твердаго и мягкаго въ другихъ: гавару́, я ряд (доволенъ); 6) появленіе *д͡ж* вмѣсто *ж* обыкновенно въ глагольныхъ формахъ: гляд͡жу́; 7) сохраненіе въ склоненіи передъ *е* изъ стараго *ѣ* переходнаго смягченія заднепёбныхъ: па паро́зѣ, ў ла́уцѣ, при стрѣ́сѣ; 8) употребленіе множественнаго числа при 2—4 въ мужескомъ родѣ: два ваўки́, и возможность двойственнаго числа послѣ тѣхъ же числительныхъ въ женскомъ и среднемъ родахъ: три бядзѣ́, двѣ сялѣ́; 9) существованіе звательнаго падежа, хотя обращеніе къ нему и не обязательно: сы́нку, чалавѣ́че; 10) особый видъ повелительнаго со звукомъ *е* изъ стариннаго *ѣ* во множественномъ числѣ: идзе́мъ, купе́ця; 11) отсутствіе именительнаго падежа множ. ч. на *-а* у словъ мужескаго рода: пая́сы или пая́сэ, ля́сы или лясэ́; 12) употребленіе въ вопросахъ частицы *ци* (ти) и *чы*: ци гэ́то ты сказа́ў? Есть и другія черты.

Если разсматривать во всей совокупности особенности бѣлорусскаго нарѣчія, какъ исключительно ему свойственныя, такъ и общія съ южновеликорусскими и малорусскими говорами, то оно окажется совершенно оригинальнымъ организмомъ, сложившимся исторически уже давно. Въ настоящее время въ бѣлорусской рѣчи можно указать даже нѣсколько говоровъ, но всѣ они связываются основными общими чертами.

а) *Въ звукахъ.*

Гласные.

Въ бѣлорусскихъ говорахъ, какъ и въ южновеликорусскихъ тѣ или другія измѣненія гласныхъ находятся въ большой зависимости отъ ударенія въ словѣ. Стоящіе подъ удареніемъ гласные бываютъ явственны, безъ ударенія же они не ясны, иногда даже совершенно пропадаютъ. Кромѣ того, на измѣненіе гласныхъ оказываютъ вліяніе: мѣсто ихъ въ словѣ, качество сосѣднихъ согласныхъ—ихъ твердость или мягкость, открытость или закрытость слога, характеръ гласныхъ въ сосѣднихъ слогахъ, стремленіе къ диссимиляціи вокальнаго элемента слоговъ и т. п. обстоятельства.

Изъ явленій въ области безударныхъ гласныхъ первое мѣсто занимаетъ а́канье, т.-е. произношеніе безударнаго *о* какъ *а*. Какъ и въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ, бѣлорусское аканье распространяется и на *е*, которое, будучи безъ ударенія, также переходитъ въ *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго (ороографич. *я*). Современные бѣлорусскіе говоры не всѣ имѣютъ одинаковую огласовку безударныхъ *о* и *е*: въ однихъ эти звуки всегда переходятъ въ *а—я*, въ другихъ такой переходъ еще зависитъ отъ мѣста даннаго слога по отношенію къ ударенію: слоги, предшествующіе ударяемымъ, обыкновенно больше акаютъ, нежели слѣдующіе за ударяемыми, да и изъ предшествующихъ слоги, болѣе удаленные отъ ударенія къ началу слова, менѣе явственны. Самый характеръ безударныхъ гласныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ бываетъ различенъ: въ однѣхъ болѣе явственный, въ другихъ болѣе глухой; въ однѣхъ *о—е* ближе къ *а—я*, въ другихъ—почти совпадаютъ съ *ы—и*; кое-гдѣ въ извѣстныхъ слогахъ можно наблю-

дать и довольно явственные безударные *о—е*. Преобладающее бѣлорусское произношеніе—сильное аканье: хажду́, тапары́, маладо́га, ро́дам; вярнися, у мяне́, зяляно́, слу́хайця, во́сянь. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ видимъ иное. Такъ, если провести линію примѣрно отъ Новозыбкова черезъ Могилевъ, Борисовъ, Свенцяны, то въ мѣстности, лежащей къ юго-западу, наблюдается умѣренное аканье, состоящее въ томъ, что въ слогахъ, непосредственно слѣдующихъ за ударяемыми и во вторыхъ отъ ударяемыхъ къ началу можетъ быть почти явственное *о—е*: по́водам, ци́х*о*га, молады́, брац*е*йка, з*е*лянó, п*е*рабу́дзя. Переходу въ *а—я* подвержено и *е* изъ *ѣ*: ц*а*на́, с*я*ку́. Въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Припяти и Нареву, аканье еще слабѣе. Нѣкоторые говоры, сосѣдніе съ великорусскими, въ сѣверовосточной части Бѣлоруссіи (уѣзды Витебскій, Велижскій, Диснинскій, Быховскій, южныя окраины Псковской губерніи, Бѣльскій, Духовщинскій и Порѣчскій Смоленской губ. и нѣкоторыя другія мѣста), вмѣсто перехода безударныхъ *о—е* въ *а—я*, обращаютъ ихъ большею частью въ *ы—и* (звучащіе довольно глухо), хотя и не во всѣхъ слогахъ: чаще *ы—и* бываютъ во второмъ слогѣ передъ ударяемымъ и въ непосредственно слѣдующемъ за нимъ, а также передъ слогомъ съ а: м*ы*ладе́нчы, п*ы*лядѣв, б*ы*га́тыму, па́н*ы*ч, з ба́б*ы*й; иногда *ы* заходитъ и въ другіе слоги, обыкновенно передъ *а* ударяемаго слога: д*ы*бра́, сп*ы*д*ы*ба́ла. Это такъ называемое диссимилятивное аканье: передъ *а* бываетъ *ы*, но если въ слѣдующемъ слогѣ не *а*, а другой гласный, то безударное *а* сохраняется (тр*а*вы́, в*а*ды́, го́р*а*ду и т. п.). Сюда же конечно принадлежитъ и появленіе *ы* на мѣстѣ безударнаго *а*, которое по своему звуку ничѣмъ не отличается отъ безударнаго *о*: з*ы*кылаци́л*ы*ся, вы́гн*ы*ла, пла́к*ы*ць, нез*ы*што. Когда сталъ возможенъ разсматриваемый переходъ безударнаго *а* въ *ы*, то явилась возможность и обратнаго перехода *ы* безударнаго въ *а*: п*а*лая, жала́у б*а*, пос*а*лаець Черик.; даже на мѣстѣ *ы* вторичнаго изъ *и*, стоящаго послѣ *р* и шипящихъ: товар*а*шов, часло Горец., спраш*а*ваець.

При тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ происходитъ переходъ *о* въ *ы*, а также особенно въ положеніи между мягкими согласными, наблюдается и переходъ *е* въ *и*: н*и* баю́ся, б*и*рягу́, пяр*и*сыпа́ючы, бу́дз*и*ць, разсѣ*и*мся, з*и*лянéнькій. Изъ приведенныхъ примѣровъ уже можно видѣть, что замѣна *е*

посредствомъ *и* не всегда аналогична такой же замѣнѣ *о* посредствомъ *ы*; дѣйствительно: п*и*р*и*да мпой, н*и* дал*и*тáя, п*и*ранясý, *и*ны́ (они изъ ёны—ены) и под. имѣютъ *и* какъ бы по другимъ законамъ; здѣсь переходъ *е* въ *и* чередуется или бываетъ одновременно съ переходомъ *е* въ *а* (я), чего нельзя сказать относительно *о* безударнаго, переходящаго въ *ы*; да кромѣ того—переходъ *е* въ *и* распространенъ и на бóльшемъ пространствѣ, нежели *о* въ *ы*, не только въ сѣверо-восточной Бѣлоруссіи. Совершенно аналогичны появленію *а* на мѣстѣ *ы* и рѣдкіе случаи возникновенія *е* на мѣстѣ *и*: дóс*е*ць (польск. dosyć), станц*е*я, ист*е*нный.

Если по поводу аканья обратимся къ исторіи языка, то окажется, что ослабленіе бездарныхъ слоговъ, сказывающееся въ качественной и количественной редукціи гласныхъ, восходитъ уже къ XII в. (ср. Бѣлорусы, I, 97); предположеніе это однако только теоретическое; несомнѣнные слѣды бѣлорусскаго áканья по памятникамъ можно отмѣтить лишь съ XIV в. Вотъ нѣсколько примѣровъ: *А*лкердъ 1359 г., *А*нофрей 1399, *а*бою 1478, ст*а*нить ib., вясло 1489, ж*а*на XV в., плѧмѧ (чит. пл*я*мя́) XVI в. (ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, стр. 137—143, 202—205). Случаи съ *и* вм. *е*: кл*и*пся, мертв*и*цá 1489, зв*и*нѧлъ XV в. и др. (Бѣлорусы, II, 1, стр. 219—220).

Совершенно противоположное разсматриваемымъ явленіямъ, но также обусловленное безударностью гласныхъ, представляетъ изъ себя переходъ безударнаго *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго (ороограф. *я*) въ *е*; особенно распространенъ этотъ переходъ передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, а также въ возвратномъ мѣстоименіи сѧ: баю́с*е*, кал*е*дá, св*е*ты́, пó*е*са. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, въ указанномъ положеніи въ *е* можетъ переходить всякое *а* (*я*), какого бы оно ни было происхожденія: изъ ѧ и ꙗ. Явленіе это впрочемъ не общебѣлорусское, чаще оно наблюдается въ югозападной Бѣлоруссіи. Такое *е* изъ *а* можетъ возникнуть и тогда, когда послѣднему придется стоять между мягкими согласными гл*е*дзючы́. Какого бы происхожденія ни было такое *е* изъ *а*, оно, будучи безударнымъ, можетъ переходить въ *и*, такъ что съ перваго взгляда покажется, будто *и* стоитъ на мѣстѣ *а*: ц*и*жáрная (при ця́жки), *и*ковá, устó*и*ла, вы́ц*и*нуў. Послѣдній переходъ болѣе обыченъ въ юговосточной и восточной Бѣлоруссіи.

Старинные памятники въ большомъ количествѣ даютъ примѣры появленія *е* на мѣстѣ *а*: *Е*рополкъ 1489, поесы XVI в., девло 1588, паметь Скор., поисовый XV в. (ср. Бѣлорусы, II, 1, стр. 219).

Въ полной зависимости отъ ударенія въ теперешней рѣчи находится переходъ ударяемаго (*е* изъ є и ь), стоящаго послѣ мягкаго согласнаго или j и передъ твердымъ согласнымъ, а также на концѣ словъ, въ *о* съ предыдущей мягкостью согласнаго (ё): людзём, зелёный, усё. Здѣсь, значитъ, такое же явленіе, какъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ; тѣ же и отступленія отъ выставленнаго положенія, но есть и исключительно бѣлорусскія особенности. Такъ вмѣсто ежидаемаго *о* (*ё*) имѣемъ *е*: а) во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи въ женскомъ и среднемъ родахъ ед. ч. въ именительномъ множ. ч. формы прошедшаго на *лъ*: умёр—умéрла—ўмéрло умéрли; здзёр—здзéрла и т. д., гдѣ удареніе на *е* больше вторичное, позднѣйшаго происхожденія; б) въ окончаніи глаголовъ настоящаго времени: бярў, -éш, -é,-éм, -éця, гдѣ возобладало вліяніе образованій съ *е* передъ мягкимъ согласнымъ или бывшимъ таковымъ (-ешь, -ець, -еця); в) въ именительномъ и винит. множ. ч., а также въ родит. падежѣ един. ч. нѣкоторыхъ мѣстоименій, гдѣ это *е* отчасти равно др.-русскому *ѣ*: мае́, мяне́, цибе́; г) передъ шипящими по памяти о старинной мягкости послѣднихъ, адзéжа, грабéж, лещ, лямéш; д) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: éлка, клéпка, лéгчы. Съ другой стороны имѣемъ *о* (*ё*) тамъ, гдѣ ожидали бы встрѣтить *е*, такъ какъ ему приходится стоять передъ мягкимъ согласнымъ: ёсць (вопреки всѣмъ другимъ глаголамъ, знающимъ въ такихъ случаяхъ *е*: несéць); по аналогіи образованій съ гласнымъ *о* неумягчительнымъ имѣемъ ё: ранёсенька (при рано), ёй (какъ той), чистоё полё (какъ велико село); въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими, иногда встрѣчаемъ *о* (*ё*) вм. *е* и передъ ударяемыми слогами: ёна́, ў мёдў. Звукъ *о* (*ё*) имѣемъ иногда и на мѣстѣ *е* = *ѣ*: гнёзды, вёдры, побёг, но звѣзды, цвиў.

Появленіе *о* (*ё*) на мѣстѣ *е* передъ несмягченнымъ согласнымъ явленіе исконное въ русскомъ языкѣ: уже въ прарусскомъ языкѣ всякое *е*, стоявшее не передъ смягченнымъ согласнымъ, превращалось въ ö, которое въ дальнѣйшей жизни языка въ однихъ говорахъ переходило въ *о* съ предыдущей мягкостью согласнаго даже и независимо отъ ударенія, въ другихъ, какъ

въ южновеликорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, удержалось лишь подъ удареніемъ передъ твердыми согласными, а безъ ударенія обратилось больше въ *а*. Въ старомъ западнорусскомъ нарѣчіи на письмѣ это явленіе нашло отраженіе лишь послѣ согласныхъ шипящихъ, *ц* и *р*, подвергшихся вторичному отвердѣнію, вслѣдствіе чего явилась возможность писать послѣ нихъ *о* вмѣсто не вошедшаго тогда еще въ употребленія знака *ё*, обозначающаго *о* съ предыдущей мягкостью согласнаго; обыкновенно въ такихъ случаяхъ послѣ мягкихъ согласныхъ писали *е* и лишь изрѣдка *о*. Примѣры: купц*о*м XIII в., наш*о*дши 1489, ж*о*лчию Скор., сѣнтѧбр*о*̈ Арист. Вр. XVI в., сл*о*зы XV в., ѿ дн҃*о*въ (дней) XVI в.

Отчасти положеніемъ подъ удареніемъ, отчасти другими причинами [1]) объясняется переходъ *ó*, *á* (рѣдко), *ы* въ *э*, а послѣ задненебныхъ въ *е*: тэй гарѣ, кривэй, так*е*й-сяк*е*й, другею рукою, браты тэя паѣхали, шклян*э*я вочи, бялэй, крэучык, бочка вад*э* и др.; иногда и безъ ударенія: гэ́тэй, чи́стэе и др. Этотъ переходъ не общебѣлорусскій: наблюдается онъ въ разныхъ мѣстностяхъ Могилевской г., отчасти Витебской и Смоленской. Знаютъ это явленіе также и нѣкоторыя сосѣднія великорусскія области. Стариннымъ произведеніямъ отмѣченный переходъ неизвѣстенъ.

Въ довольно значительномъ пространствѣ югозападной Бѣлоруссіи (къ сѣверозападу отъ Минска, Вилейка, Мосты Гродн. г., Свислочь Волков. у.) въ зависимости отъ ударяемости слогъ ау (изъ *ав* и *ал*) переходитъ въ оў: тро́ўка, доў, ўзёў, пакло́ў, укро́у и т. д. Здѣсь *а* перешло въ *о* передъ ў вслѣдствіе сильной лабіализаціи гласнаго. Иногда это явленіе наблюдается и внѣ ударенія: вытрывоў, ду́моў, доўне́й и т. д. (ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, 84—85). Въ старинныхъ памятникахъ это явленіе не находитъ отраженія.

Въ зависимости отъ положенія подъ удареніемъ или внѣ его находятся измѣненія и нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ. Звуки *у* и *и* (послѣднее особенно изъ *jъ*, *jь*), будучи безъ ударенія, когда имъ приходится выступать въ роли сомостоятельныхъ словъ или же стоять передъ согласными въ началѣ словъ, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ гласныхъ предыдущаго слова, теряютъ свой слоговой характеръ, обраща-

[1]) Ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, стр. 94, 165—170, 285—286.

ясь въ ў и й: ў мине́, умѣеш, йци, йшоў, на ймя, выймаем и т. д. Въ старинныхъ памятникахъ уже съ XV в. можно констатировать существованіе *и* неслогового, сказывающееся въ пропускѣ его на письмѣ (не бо_сѧ дѣвце 1489) или въ обозначеніи какими-либо надстрочными знаками (бѣвены то_моў XVI в.) (ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, 271—273); что касается ў, то его существованіе уже съ XIII в. видно изъ смѣшенія на письмѣ *у* и *в*, возможное лишь при допущеніи существованія въ извѣстномъ положеніи звука средняго между ними, каковымъ является ў: ни намъ *в* сѣбе въ Смоленьске 1284, *вгорьскимь* 1349, *вже* 1499, оў *вста* XVI в. (въ устахъ) и т. д. (Бѣлорусы, II, вып. 1, 290—293).

Постепенно сокращаясь, гласные безударные могутъ дойти до нуля и совершенно исчезнуть. Иногда впрочемъ на такое исчезновеніе звуковъ могутъ оказывать вліяніе и другія причины, напр., аналогія и народная этимологія: намéнѣй, сповѣда́цца, го́лка, гаро́д, е́ткую, твайго́, постнави, нѣйких и т. д. (ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, 106—107, 173—174, 227—228, 273—276, 289, 296). Исчезновеніе тѣхъ или другихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ произошло давно и засвидѣтельствовано старинными памятниками (дсѧгноули XV в., запе бъ тогда XV в.), въ другихъ оно происходитъ на нашихъ глазахъ.

Съ положеніемъ гласныхъ подъ удареніемъ или внѣ его приходится считаться и тогда, когда идетъ рѣчь объ измѣненіяхъ и другихъ гласныхъ, такъ какъ только ударяемые слоги и будутъ вполнѣ явственны, хотя бы ихъ характеръ зависѣлъ отъ другихъ причинъ, напр., отъ качества сосѣднихъ гласныхъ или согласныхъ, отъ положенія въ открытомъ или закрытомъ слогѣ и т. п. Такъ древнерусскій *ѣ*, совпавшій въ бѣлорусскомъ нарѣчіи по своему звуку съ *е*, въ большинствѣ случаевъ подвергается и тѣмъ же измѣненіямъ, что и *е*, напр., будучи безударнымъ, переходитъ въ *а* и *и* (бяда́, стр*а*ла́, ў л*ѣся* въ однихъ говорахъ, напр. сѣверозападныхъ, и б*и*да́, стр*и*ляць, ў лѣс*и*—въ другихъ). Впрочемъ въ дательно-мѣстномъ падежахъ, въ случаѣ безударности окончанія, *и* преобладаетъ. Рѣшительно отличается по своей судьбѣ *е* изъ *ѣ* въ томъ случаѣ, когда оно, будучи ударяемымъ, стоитъ передъ твердымъ согласнымъ: оно переходитъ въ *е́* широкое, а не въ *о* (*ё*): сва́т, ла́с.

Закрытостью ударяемаго слога, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и помимо ея въ южной части бѣлорусской области (южныя части Гомельскаго, Бобруйскаго, Слуцкаго, Новогрудскаго, Слонимскаго и Волковысскаго уѣздовъ) слѣдуетъ объяснять появленіе на мѣстѣ *ѣ* слишкомъ узкаго закрытаго звука *е*, притомъ очень палатальнаго, такъ что передъ нимъ какъ бы слышится і неслоговое (лі͡ес, сві͡ет); такое произношеніе можно считать и дифтонгическимъ. Съ такимъ ѣ=і͡е совпадаетъ и *е*, стоящее въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ передъ мягкимъ согласнымъ (пі͡еч, шы͡есць).

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ слишкомъ закрыто произносится и безударное *о*, почти какъ *у*, а ударяемые *о*—*ё* (т.-е. *е* передъ твердымъ согласнымъ) выговариваются слишкомъ лабіально, иногда даже съ явнымъ передъ нимъ и неслоговымъ, т.-е. какъ дифтонгъ у͡о (ву͡оз, лю͡одь: ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, 120—135, 223—227, 240—245). Особенно обычно *у*—*ю* вм. *о*—*е* въ слогахъ закрытыхъ ударяемыхъ: буг, цю́тка. Дифтонгическое произношеніе *ѣ*—*е*—*о* въ старинныхъ памятникахъ отраженія не нашло, какъ очень тонкая фонетическая черта.

Слишкомъ закрытое произношеніе *о* безударнаго (иногда совпавшаго съ нимъ *а*) и рѣже ударяемаго, зависящее отъ положенія этого звука по сосѣдству съ губными или заднеиёбными согласными, наблюдается не только въ южныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но и въ другихъ, больше сосѣдящихъ съ ними (уѣзды Сѣнинскій, Люцинскій, Горецкій, Могилевскій, Рогачевскій, Оршанскій и нѣк. др.); таковы случаи: к*у*маро́во, п*у*горѣло, сад*у*ва́я, Б*у*г*у*ро́дзица, ск*у*зо́ў, г*у*л*у*вў, б*у́*ляй, ху-чаш, вярёвк*у*ю разьмѣрили, к*у*лю́с, ён вырв*у*ў и т. п. По древнимъ памятникамъ *у* изъ *о* можно прослѣдить, начиная съ XV в., однако въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, какъ полонизмы: щадк*у*мъ 1408, *у*гарки XV в., ап*у*столо̆ 1489 г. (ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, 120).

Сосѣднія съ Малоруссіей мѣстности знаютъ корень бу- вмѣсто бы-: б*у*ў, б*у*ло́, куда *у* зашло не фонетическимъ путемъ, а благодаря дѣйствію аналогіи настоящаго «буду». Въ Рѣчицкомъ и отчасти Мозырскомъ уѣздахъ наблюдается *у* на мѣстѣ *ы* и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, именно—послѣ губныхъ *б*, *п*, *м* и зубногубного *в*: в*у́*пиў, м*у*, городов*у*я, м*у́*слями, рѣчки б*у*йстрыя и под. Причиной этого явленія оказывается слишкомъ лабіальное (какъ при *о*—*у*) произношеніе

здѣсь губныхъ согласныхъ. Въ отдѣльныхъ словахъ и образованіяхъ это явленіе можно наблюдать и въ другихъ мѣстностяхъ. Стариннымъ памятникамъ оно не извѣстно (ср. Бѣлорусы, II, вып. 1, 282—285).

Прарусскіе звуки *ъ* и *ь* имѣли ту же судьбу, что и въ южновеликорусскихъ говорахъ, т.-е. подъ удареніемъ и при нѣсколькихъ глухихъ въ словѣ въ слогахъ, стоящихъ не рядомъ съ ударяемыми, переходили въ *о* и *е*; во всѣхъ другихъ случаяхъ, особенно на концѣ словъ исчезали, усиливая только гласный предшествовавшаго слога. Изъ бѣлорусскихъ отличій укажемъ лишь, что въ сочетаніи *ъ* и *ь* съ *р* и *л* (*ръ—рь*, *лъ—ль*), гдѣ въ южновеликорусскихъ говорахъ и литературномъ языкѣ *ро—ре*, *ло—ле*, по-бѣлорусски въ слогахъ безударныхъ бываетъ *ры—ри*, *лы—ли*: к*ры*ви́ (при кроу), х*ри*сціць (при хрест), б*лы*ха́ (при блох), с*ли*за́ (при слёз) и под. Здѣсь, насколько можно судить по даннымъ исторіи языка, появленію означенныхъ слоговъ предшествовала утрата *ъ* и *ь* безударныхъ, затѣмъ слѣдовала въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ вокализація *р* и *л*, т.-е. обращеніе ихъ въ слоговые r̥ и l̥, а уже при послѣднихъ съ утратой ихъ гласности развились *ы—и*. Въ старинныхъ памятникахъ находимъ отраженіе указаннаго явленія полностью: крви 1296, смрти 1489, ѡкрвавилъ XVI в., криви XV в., задрыжа̃ 1489, християне XV в., блыщачися 1580, слыза́ и под. (Бѣлорусы, II, 1, стр. 158—161).

Нѣсколько сходная судьба была въ западнорусскихъ говорахъ и основныхъ славянскихъ сочетаній изъ согласнаго + ъr̥, ъl̥, ьr̥, ьl̥ + согласный. Пройдя въ общерусскомъ языкѣ ступень ър, ъл, ьр, ьл, послѣдніе, если на *ъ* и *ь* не падало удареніе, исчезали безслѣдно, а *r* и *l* вокализовались и развивали уже передъ собой довольно неявственные *ы—и*: дз*и*ржа́ць, ч*и*рво́нцы, к*и*лбасу́; тоже въ началѣ словъ: *и*ржа́, *и*рва́ць, *и*льну́; подобное развитіе *и* иногда бываетъ передъ *м*: *и*мшо́ю, *и*мховую, и передъ другими гласными: *и*гру́шы. Явленіе это извѣстно и стариннымъ памятникамъ (Бѣлорусы, II, 1, стр. 316—318). Послѣдніе, а также и теперешніе живые говоры въ качествѣ приставочнаго звука передъ тѣми же согласными и нѣкоторыми другими знаютъ еще *о*: таково Орша при древнемъ Ръша, аржаны́, альняны́й, аўто́рак, амгла́, Амцısла́ў, амшы́ць и др. (Бѣлор., II, 1, 315—316).

Иногда *о* и *и* являются приставочными и не по фонетическимъ причинамъ: адзѣ (гдѣ, изъ а + дзѣ), ис королём, ик цару и т. п. (Бѣлор., II, 1, 316—319).

Звукъ *ь*, исчезнувъ въ произношеніи, оставилъ по себѣ слѣдъ въ мягкости предшествовавшаго ему согласнаго. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи и здѣсь иногда (не повсемѣстно) замѣчаются нѣкоторыя отступленія въ этомъ отношеніи: имѣемъ вторичную твердость: па́*л*цы, сі́*л*но, ма́*л*цы, цѣ*л*ный, са́*л*цо и др. (Бѣлор., II, 1, 395—397); находимъ отраженіе старинной мягкости, утраченной въ теперішней литературной рѣчи: пага́н*ь*ства, ру́с*ь*ки и под.

Замѣна основныхъ славянскихъ сочетаній or—ol, er—el, стоящихъ между согласными, еще въ прарусскомъ языкѣ въ эпоху его единства была *оро—оло—ере—еле*, т.-е. представляла полногласныя формы. Во всемъ объемѣ это явленіе унаслѣдовано и бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, которое, будучи мало подвержено ц.-славянскому вліянію, даже въ большей чистотѣ отражаетъ его, нежели литературная рѣчь. Старое западнорусское нарѣчіе въ этомъ случаѣ является прямымъ преемникомъ др.-русскаго лѣтописнаго языка и рѣчи грамотъ, давая ц.-славянскія формы лишь въ памятникахъ, сильно подверженныхъ ц.-славянскому вліянію; польская огласовка спорадически замѣчается въ переводныхъ произведеніяхъ съ этого послѣдняго языка. Такимъ образомъ, напр., въ старомъ языкѣ и въ современномъ обычны слѣдующія образованія: *во*-*лод*ѣти 1432, на*город*у 1480, *вере*менемъ 1387, *сором*ѣйсѧ 1489, *доло*ни ib., нов*город*скимъ (Новогрудскимъ) 1588, объ*голо*шонъ ib., *соло*ко XVI в., об*оло*къ 1580, в *чере*во ib.. *моло*дица XVI в. и т. д., *во́рог*, на*горо́*да, *болоз*ѣй, *володо*вацъ, *сере́*днiй и т. д. Но кромѣ такой обычной замѣны, изрѣдка попадается и другая огласовка плавночистыхъ созвучій: *ера*, *еро*, *ира*, *еры*, *ола*, *еля*: п*ера*сушіцъ, в*ероб*ъями, *сера*да́, б*ира*жочкам, с*е́ры*бро, *зола*то́му, *селя*зёнычка и под.; или изъ старинныхъ произведеній: *зола*тарев Скор., выст*ера*гатисѧ ib., по г*орадо́* XVI в., ч*еро*ва Позн. сб. и под. Приведенная огласовка свойственна всему бѣлорусскому языку и въ большинствѣ случаевъ легко объясняется законами измѣненія безударныхъ слоговъ при вторичномъ отвердѣніи *р*. Вслѣдствіе пропуска перваго изъ безударныхъ гласныхъ въ полногласныхъ формахъ получается какъ бы польская огла-

совка: кроль, вроны, млыда́я, ва гро́дзѣ, гло́ву и под. Всѣ такіе случаи далеко впрочемъ не повсемѣстны. Есть они и въ старинныхъ памятникахъ, въ чемъ можно видѣть и полонизмы (кролю 1393, гроды ib., оуздровилъ 1489, злото XV в., слокости XVI в. и др.). Бываютъ рѣдкіе пропуски и второго *о*: борнова́ць, корва́ць, зо́лзы и под. Можно указать и нѣкоторыя другія образованія среди полногласныхъ формъ (ср. Бѣлорусы, II, 1, стр. 297—308).

На мѣстѣ прарусскихъ *ы* и *и* не полнаго образованія, явившихся передъ j изъ *ъ* и *ь*, какъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, бываютъ *ы* и *и* при великорусскихъ *о* и *е*: сляпый, крый, мы́ю, си́ній, напі́йся, шыю, змія́ и под. Это явленіе повсемѣстное бѣлорусское, подтверждаемое самыми старыми памятниками. Не представляютъ отступленій такіе случаи, какъ салавей, верабей, гусей, людзей, такъ какъ въ нихъ *е* ударяемое на мѣстѣ обыкновеннаго *ь* (ср. вераби́я); на появленіе *е* изъ *ь* въ родительномъ пад. множ. числа могли повліять такія образованія, какъ гусёх, людзёх, гдѣ *е* изъ *ь* не могло перейти въ *и*, такъ какъ за нимъ не было j. Въ восточныхъ бѣлорусскихъ говорахъ вмѣсто *ый-ій* въ нѣкоторыхъ образованіяхъ, между прочимъ въ именительномъ един. числа явилось ъй—ей, какъ объ этомъ уже была рѣчь (ср. Бѣлорусы, II, 1, стр. 276—278, 257—261).

Согласные.

Выдающейся особенностью всей бѣлорусской рѣчи, не безызвѣстной и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ является переходъ *в*, стоящаго послѣ гласныхъ и передъ согласными звуками (больше вслѣдствіе выпаденія между ними *ъ* или *ь*), въ ў. Это неслоговое ў бываетъ разнаго качества: иногда оно ближе къ *в*, а иногда къ *у* слоговому, что отчасти зависитъ также и отъ мѣста даннаго звука въ рѣчи, особенно если онъ бываетъ предлогомъ: послѣ согласныхъ почти чистое *у*, а послѣ гласныхъ ў неслоговое. Примѣры: зави́ унýчку, праси́ ўсих, царо́ўны, улѣ́зла ў мѣх, пришо́ў ў ха́ту. Въ разсматриваемомъ отношеніи *в* совпадаетъ съ *у* безударнымъ, стоящимъ въ извѣстномъ положеніи. Если за предлогомъ ў изъ «въ» должно слѣдовать слово, начинающееся съ *о* или

ы, а иногда и *у*, то послѣ этого предлога развивается призвучное *в* и получается какъ бы *ўв—ув*: увотри́, увозна́ў, увыйшоў, ўв ўтку; вторично, подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей развилось ў въ словѣ ўвесь: изъ ўсяго́, ўсяму́ и т. д. Появленіе ў неслогового на мѣстѣ *в* старипнымъ памятникамъ извѣстно уже съ XIII вѣка, только конечно памятники не употребляютъ знака ў, а ставятъ на мѣстѣ *в* букву *у*: оуздумалъ 1229, оузали 1284, упукъ XIV в., оудова 1489 и т. д., оувогороде XV, оувогонь 1489 г. Въ предлогѣ ув въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно бы видѣть и удвоенный предлогъ * въвъ: ни вво што Пс. XVI в. Р. М. № 335 (ср. Бѣлорусы, II, 1, стр. 413—422).

Въ ў неслоговое въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ, какъ и въ малорусскомъ, переходитъ и *л* твердое (обыкновенно изъ основного русскаго *ъл*), когда ему приходится стоять за гласнымъ въ слогѣ закрытомъ: коўбаса́, моўча́ць, со́ўнышко; такую же судьбу имѣло *лъ* въ прошедшемъ времени глаголовъ въ муж. родѣ: быў, даў. Явившись въ слогѣ закрытомъ, *ў* изъ *л* иногда заходитъ и въ другія образованія, хотя бы ему приходилось стоять и передъ гласнымъ: по́ўнышовен, чо́ўна-човен, то́ўсты-то́вист. Конечный *л* въ существительныхъ и прилагательныхъ обыкновенно не переходитъ въ ў: вол, мил, сёл; то же бываетъ и въ серединѣ словъ въ слогахъ закрытыхъ, когда *л* стоитъ не за старипнымъ ъ: гарѣлка, га́лка, ви́лки, го́лка; возможны впрочемъ здѣсь и новообразованія съ ў. *Ў* неслоговое изъ *л* явленіе старое въ бѣлорусскомъ языкѣ: по памятникамъ появленіе *в* на мѣстѣ *л* (и обратное—смѣшеніе *в* и *л*) можно прослѣдить уже съ XIV в.: Withawt 1390 г. (изъ Витолтъ), Withawdus Городельскій прив. 1413 г. и др., Во*в*чькевичъ 1497 г., не вдо*в*зѣ 1489 и др. (Бѣлорусы, II, 1, стр. 397—403).

Кромѣ ў неслогового на мѣстѣ *в* и *л*, особенно выдающейся чертой бѣлорусскаго консонантизма является свойственная большей части говоровъ твердость *р*. Если провести линію отъ Себежа на Городокъ, Витебскъ, Горки, Пропойскъ черезъ р. Бесѣдь къ границѣ Черниговской г. и здѣсь почти по границѣ Гомельскаго уѣзда къ Новозыбкову, то вся мѣстность къ югозападу знаетъ только твердое *р*, а къ сѣверовостоку, кромѣ твердаго, знаетъ и *р* мягкое, причемъ послѣднее смѣшивается съ твердымъ, становясь иногда на мѣстѣ послѣдняго.

Обычнымъ бѣлорусскимъ произношеніемъ въ югозападной области будетъ: ца*ра́*, гава*ру*, посва*ры́*лася, зап*ра*га́йця и т. д.; въ сѣверовосточной области: паци*ря́у*, *ря*ку́, за*ря́*, но и д*ря*ць, за*ря*бі́ць, *ряд* (я доволенъ) и т. д. Бѣлорусское *р* твердое—его характерная особенность, только отчасти извѣстная еще сѣверномалорусскимъ говорамъ. Очень рано отмѣчаютъ эту черту и старинные памятники, уже съ XIV в., при чемъ въ нихъ рядомъ съ «твердыми» гласными послѣ *р* нерѣдко бываютъ и «мягкіе» даже тамъ, гдѣ должны быть твердые: сентеб*ра* 1395, те*ра*ть 1398, писа*ра* 1457, т*рo* XV, сереб*ры*ныи 1405, т*ры* XVI в., пека*ро*мъ XVI в., по мо*роу* XVI в., т*рэ*тюю и т. д.; съ другой стороны; днеп*ря* 1489, вы*ри*ти XV в., *ри*бы Скор., бе*рю*ть 1562 и т. д. (Бѣлорусы, II, 1, 381—393).

Подобно *р*, вторичному отвердѣнію въ современныхъ бѣлорусскихъ говорахъ подвергаются и нѣкоторые другіе согласные, особенно губные звуки: если послѣднимъ приходится стоять передъ j (орѳогр. *ь*), а на югѣ хотя бы и передъ «мягкимъ» гласнымъ въ серединѣ словъ, они твердѣютъ; то же бываетъ всегда на концѣ словъ передъ стариннымъ *ь*: бъецёся, выпъю, тридзевъяць, пъяць, семъ, голубъ, кроў и т. д. Отвердѣніе губныхъ передъ *ь* явленіе общебѣлорусское, происшедшее уже давно: здоровъю 1476, пъючи XVI в., Демъянъ ib., избавъ XV в., ѡсмъ XVI в., любовъ 1562 и т. д. (Бѣлорусы. II, 1, 408—411). Въ отдѣльныхъ говорахъ, а иногда и во всѣхъ, но въ отдѣльныхъ словахъ попадаются, какъ мы уже отчасти говорили, спорадическіе случаи съ твердыми согласными вмѣсто ожидаемыхъ мягкихъ (па*л*цом Орш., бобы*л*стви Мстисл., бо*л*но Горецк., си*л*ный Бых., дово*л*ны Климов., ма*л*цы Сѣнн. и др.). Въ большинствѣ случаевъ съ *л* здѣсь произошло то же, что и съ остальными согласными, когда имъ вслѣдствіе исчезновенія *ь* приходилось стоять передъ твердыми согласными, т.-е. оно, уподобившись имъ, отвердѣло. Самыя южныя бѣлорусскія области и крайнія западныя знаютъ еще отвердѣніе *с* въ *ся*: купа́уса Слуцк., пазу́са и т. п. Говорящихъ такъ называютъ «са́калами» или «сакуна́ми». Изъ другихъ отвердѣній согласныхъ еще отмѣтимъ повсемѣстное «*сэ*рцэ» «*сэ*рданко», «у*здэ*чка», «*дъ*яволы», въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ попадаются и другіе случаи. *Ц* изъ праруссскаго *ц* всегда твердо: цэпа́, цэркоў, купе́ц и т. д.

Выдающейся особенностью современнаго бѣлорусскаго нарѣчія въ области согласныхъ является длительный *г* = *h*. Въ этомъ отношеніи бѣлорусская рѣчь сходна съ южновеликорусской и малорусской и отличается отъ сѣверновеликорусскаго и литературнаго московскаго произношенія, знающаго г = g. Послѣдній звукъ бѣлоруссамъ извѣстенъ лишь въ словахъ, взятыхъ изъ польскаго, въ родѣ: грунт, га́нак. Въ чисто бѣлорусскихъ словахъ г = g можно слышать только въ группѣ *зг* = *zg*: ро́зга, мазго́у. Въ виду господства у бѣлоруссовъ г = *h* въ нижеслѣдующихъ, да и другихъ примѣрахъ *г* и будетъ обозначать *h*, а для g будетъ употребляться ґ, каковой знакъ по памятникамъ извѣстенъ уже съ XVI—XVII в., вытѣснивъ болѣе раннее обозначеніе звука g посредствомъ группы *кг*. Звукъ *г* = *h* свойственъ бѣлорусскому нарѣчію искони и унаслѣдованъ, вѣроятно, отъ языка племенъ, легшихъ въ его основу (Бѣлорусы, I, 96). Уже въ древнѣйшихъ бѣлорусскихъ памятникахъ, когда передавали иностранныя слова съ *h*, обращались къ *г*: *г*эрбъ Позн. сб. (herb), Ізрагелевыхъ Скор. (Izrahelskjch), *г*елена XV в. и под.; съ другой стороны писали Скир*кг*айло 1387, оу ѳи*кг*ѹре, *кг*лоріа XV в., ґва́ть, ґрѹнто́ XVII в. Иногда *г* и совсѣмъ опускался, когда въ иностранныхъ словахъ слышалось *h* или *j*: ѡрясновы, анъѥла XV в. (Бѣлорусы, II, 1, стр. 469—472).

Но самой характерной чертой бѣлорусскаго консонантизма является такъ называемое д з е́ к а н ь е и ц е́ к а н ь е, т.-е. произношеніе мягкихъ *д* и *т* какъ д͡з (ʒ) и ц͡ (ć). Это особенность общебѣлорусская: ея нѣтъ только въ нѣкоторыхъ окраинахъ, преимущественно южныхъ и юговосточныхъ. Эти звуки являются передъ каждымъ умягчительнымъ гласнымъ, а также передъ мягкими согласными: дзе́ци, идзе́ць, дзьвѣ, вѣцьви́стый и т. д. Если иногда въ сборникахъ бѣлорусскихъ народныхъ произведеній встрѣчаются *д* и *т* мягкіе, то это недосмотры записчиковъ или редакторовъ. По этой чертѣ бѣлорусская рѣчь напоминаетъ польскую, однако въ послѣдней дзеканье и цеканье нѣсколько иного характера, съ нѣкоторымъ шипящимъ оттѣнкомъ; сосѣдство поляковъ лишь поддерживало бѣлорусское дзеканье. Старинные западнорусскіе памятники даютъ примѣры разсматриваемаго явленія однако только съ XV—XVI в., да и то въ нихъ можно подозрѣвать полонизмы. Старинные писцы вообще всячески избѣгали

обозначать свистящее произношенie мягкихъ *д* и *т*, стараясь употреблять историческое письмо часто, быть можетъ, съ цѣлью отличить его отъ польскаго письма, даже въ словахъ, взятыхъ изъ польскаго: обецать 1562, дьякЪючи XVI в. Древнѣйшie несомнѣнные примѣры дзеканья относятся къ XVI в.: метаци Литов. Метр., повоdзе 1543, наложыць маю XVI в., *Ци*мошку 1681 г. и т. д. (Бѣлорусы, II, 1, 434—443). Впрочемъ въ старыхъ привилеяхъ въ латинскомъ текстѣ попадаются западнорусскія слова съ dz: que dziakla nuncupantur 1434 г., 1457 г., seu dzieczkie non dabimus 1529 г. и др.

Къ числу примѣтъ, роднящихъ бѣлорусскie говоры съ малорусскими, относится усиленный выговоръ согласныхъ, иногда переходящiй въ удвоенie ихъ, въ томъ случаѣ, когда согласному приходится стоять передъ j, за которымъ слѣдуетъ гласный. Въ этомъ случаѣ согласный уподобляетъ себѣ j, и получается двойной мягкiй согласный, причемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ возможно и слитie въ одномъ звукѣ удвоеннаго согласнаго, такъ что удвоенie какъ бы исчезаетъ, но не бываетъ и j передъ гласнымъ. Удвоенiю въ теперешнихъ бѣлорусскихъ говорахъ подвергаются всѣ согласные, способные соединяться съ j (значитъ, кромѣ *р* въ юго-западныхъ говорахъ, да отчасти губныхъ). Примѣры: Илья́, свинья́, рысьсю, по́чьчу, судзьдзю́, збо́жже и т. д., но звѣръё. На востокѣ и сѣверѣ можно слышать и пе́рьря. Удвоенie губныхъ вообще отсутствуетъ, хотя въ сборникахъ народныхъ произведенiй, да и въ живой рѣчи и это явленie можно наблюдать: вераббё́м, подла́вья, но у́ю. Двойное *дзьдз* и *цьц* можетъ упрощаться въ томъ смыслѣ, что въ первой части слышится только *д* и *т*: *дьдз* — *тьц*: судьдзя́, ли́стьцем. Если удваиваемому согласному предшествуетъ еще какой-нибудь согласный, то удвоенiя или усиленiя согласнаго можетъ не происходить: ли́сьцем. Явленie удвоенiя согласныхъ передъ j было извѣстно и старымъ западнорусскимъ памятникамъ (ср. Иллиничы XV в., хрестьтянского 1457, съ коллемъ 1578, росказаннемь 1585, Ананню XVI в. и др.), впрочемъ обыкновенно это удвоенie не обозначалось, такъ какъ удвоенные согласные больше пишутся надъ словами и притомъ не вдвойнѣ (збо́я 1588, воплоще́е XVI в.), но *j* (ъ) въ такихъ случаяхъ всегда опускается (ср. Бѣлорусы, II, 1, стр. 361—372).

Что касается замѣны основныхъ славянскихъ группъ *dj* и *tj*, то въ этомъ отношеніи бѣлорусское нарѣчіе, какъ и естественно, вполнѣ совпадаетъ съ другими русскими нарѣчіями, представляя *ж* и *ч* (ме*ж*а́, свѣ*ч*а́). Впрочемъ на мѣстѣ *dj* нерѣдко встрѣчаемъ, особенно въ глагольныхъ формахъ *дж* (ӡ): виджу, раджу, иногда ўраджай, паходж. Хотя по аналогіи измѣненія *tj* в *ч* (= тш) мы ожидали бы на мѣстѣ *dj* — дж уже въ прарусскомъ языкѣ, однако старинные памятники единогласно представляютъ только *ж*; то же и въ древнѣйшихъ западнорусскихъ произведеніяхъ (промьжю 1229, преже XV, схожати XVI в., вижю XVI в. и т. п.). Вслѣдствіе этого приходится допустить, что у бѣлорусовъ и малорусовъ, знающихъ это же сочетаніе *дж*, звукъ *д* въ глаголы и отчасти въ другія образованія зашелъ по аналогіи большинства формъ тѣхъ же словъ, имѣющихъ одно *д*. На мѣстѣ основныхъ сочетаній *стj* и *скj*, *здj* и *згj* въ бѣлорусскихъ говорахъ имѣемъ *щ* (штш), и *жджж*: гу́ща, ищу́, дажджа́, бар[ж]джѣй, виждж[а]́ць. Старые памятники также знаютъ указанные способы смягченія, только въ нихъ обычно вмѣсто жджж пишется *жч*: дъжчѣвнымъ 1296, ѣзджвалъ 1359, дожчю 1489 и т. д. (ср. Бѣлорусы, II, 1, стр. 486—490, 494—496). Если иногда въ современномъ языкѣ и въ старыхъ памятникахъ встрѣчаемъ *жд* и *щ* (приеждати, надежда, со свещами, помощь и под.), то это будутъ заимствованія изъ ц.-славянскаго языка; точно также *дз* и *ц* на мѣстѣ ожидаемыхъ *ж* и *ч* будутъ заимствованіями изъ польскаго (уродза́й, знадзоны, моц, цуд, обѣцанка и т. д.).

Щ и *жджж* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи отличаются твердостью такою же, какъ и *ж* и *ш*; твердо и *ч*. Впрочемъ нѣкоторая память о ихъ исконной мягкости живетъ еще отчасти до сихъ поръ; это сказывается въ томъ, что передъ шипящими *е* не обращается въ *о* (*ё*), какъ объ этомъ уже была рѣчь. Мягкіе *ч* и *щ* можно слышать лишь пососѣдству съ великорусскими говорами, напр. въ Чернигов. губ.

Характерною особенностью современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ является удержаніе отъ старины переходнаго смягченія заднenебныхъ *г*, *к*, *х* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно происходило и въ древнерусскомъ языкѣ, т.-е. въ формахъ скло-

ненiй передъ *е* (зват. п.) и *ѣ* (дат. и мѣстн. падежи; въ именительномъ множ. числа не бываетъ смягченія, такъ какъ онъ замѣненъ винительнымъ): бо́же, чалавѣ́че, святы́ ду́ше, на паро́зѣ, дузѣ́, ла́уцѣ, стрѣ́сѣ. Отступленія иногда наблюдаются только въ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ, въ чемъ слѣдуетъ видѣть вліяніе литературной общерусской рѣчи и сосѣднихъ народныхъ великорусскихъ говоровъ. Въ спряженіи смягченіе въ свистящіе утрачено. Такъ какъ смягченіе заднебныхъ было свойственно и древнерусскому языку, то въ старыхъ западнорусскихъ памятникахъ оно вполнѣ обычное дѣло (Бѣлорусы, II, 1, 465—467).

Въ отношеніи соединенія между собою согласныхъ звуковъ въ группы бѣлорусскіе говоры, вообще говоря, ближе къ великорусскимъ, нежели къ малорусскимъ, хотя иногда бываютъ точки соприкосновенія и съ послѣдними. Обыкновенно звонкіе передъ глухими переходятъ въ глухіе; то же бываетъ и на концѣ словъ передъ утраченными *ъ* и *ь*. Однако слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ (югозападныхъ) согласные звонкіе не столь слабы (особенно зубные), какъ въ великорусскомъ нарѣчіи; они очень близки къ звонкимъ, составляютъ, такъ сказать, середину между тѣми и другими. Можетъ быть по этой причинѣ въ сборникахъ бѣлорусскихъ народныхъ произведеній не всегда обозначается этотъ переходъ. Согласные глухіе передъ звонкими въ серединѣ словъ и въ связной рѣчи всегда переходятъ въ звонкіе.

Отчасти подъ вліяніемъ звуковыхъ причинъ (вслѣдствіе положенія передъ звонкими согласными), отчасти подъ вліяніемъ аналогіи «изъ» предлогъ «съ» замѣняется посредствомъ *з*. Такимъ онъ остается передъ звонкими, въ томъ числѣ передъ *н*, *л*, *р*, *м*, *в*, а также передъ гласными; передъ глухими согласными онъ имѣетъ видъ *с*. Одинаковую съ нимъ судьбу раздѣляетъ и *из*, который часто даже теряетъ свое *и* (какъ безударное); по аналогіи этого предлога *и* иногда приставляется къ *с*. Примѣры: издзѣлаў, из ба́бый, з бабро́вымн, злѣза́й, изно́ў, зъѣла, ис кро́ўю, иску́й, с ха́ты вы́шаў и т. п. Смѣшеніе «изъ» и «съ» наблюдается и въ старинныхъ памятникахъ уже съ XIV вѣка: тагатиса ис королемь 1349, Заславъ 1489 и др. (Бѣлорусы, II, 1, 339—343).

Подобной участи, какъ «съ», подвергся и предлогъ «отъ», принявшій форму *од*: одогна́ў, одгэ́туль и т. п. Эта замѣна

произошла, вѣроятно, не безъ вліянія предлога «подъ», который свое *д* часто не мѣняетъ даже передъ глухими. вѣроятно, по особой склонности бѣлорусскаго нарѣчія удерживать зубные согласные звонкими даже на концѣ словъ.

Переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе, какъ и естественно ожидать, былъ свойственъ (передъ глухими, а также на концѣ словъ) и старому западнорусскому нарѣчію: сковоро*т*кѣ, поле*х*чили, светкове, ѿ врахъ Скор. и т. д. (Бѣлорусы, II, 1, 336—337). И сказанное о предлогахъ *съ—изъ*, *отъ* находитъ подтвержденіе въ старинныхъ памятникахъ: не торуна ок. 1341, зъ дубровами 1383, з лѣсом ib., зо всими пожитки ib., одогнали, ѡд человѣка Скор. и т. д.

Въ старинныхъ группахъ *кът*, *чьт*, какъ и въ великорусскихъ говорахъ, послѣ исчезновенія *ъ* и *ь*, находимъ сочетанія *хт* и *шт*, при томъ уже начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ: хто Четья 1489 и др., што—уже съ XIII в. Однако *кък* не всегда мѣняется въ *хк* (мяхка, махки Сб. XVI в. Вил. П. б. № 262), но бываетъ и *кк*: мякки.

Своеобразную замѣну вмѣсто уподобленія разнородныхъ согласныхъ находимъ въ появленіи *j* на мѣстѣ *д* и *т* мягкихъ передъ *ц* въ основныхъ группахъ, *дьц—тьц*: малайцо́м (изъ молодьцьмь), айца́ (изъ отьца); изъ косвенныхъ падежей *j* можетъ зайти и въ именительный: айце́ц. Это явленіе общебѣлорусское; подобное видимъ и въ польскомъ языкѣ, а также отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ говорахъ (Бѣлорусы, II, 1, 444, 448).

Говоря о разныхъ измѣненіяхъ согласныхъ группъ, нельзя не упомянуть и о полномъ уподобленіи одного согласнаго другому, что бываетъ въ группахъ зубныхъ (по больше въ сѣверовосточныхъ говорахъ), именно, *дн=нн*: вялі́коньню Сѣнн., сяго́ньня Вит., оньни́, обѣньня Смол. и др.

Сдѣлаемъ еще замѣчаніе о характерѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ согласныхъ въ бѣлорусскихъ говорахъ.

О группѣ *щ* уже было замѣчено, что она = *шч* (шч): шчыры. Такъ, очевидно, было и въ старину: ужишча, ѿчоупа Сб. XV в. Публ. б. № 391).

Въ мягкомъ *ц* (изъ *т* мягкаго) какъ бы нѣсколько усилена вторая часть его: сидзі́ць = сидзітсс...

С въ западныхъ говорахъ произносится нѣсколько про-

тяжно, какъ бы *с͡с*: с͡са́ло (жиръ), хотя приведенное слово всеже не совпадаетъ съ формою ссало къ глаголу ссаць (сосать). Въ нѣкоторыхъ говорахъ, будучи въ извѣстныхъ случаяхъ слишкомъ мягкимъ, *с* приближается къ *ш*: муѓилўа́шки (могилёвскій).

Звука *ф* бѣлорусское нарѣчіе не знаетъ даже въ такой степени, какъ великорусское, т.-е. на концѣ словъ и передъ глухими согласными на мѣстѣ *в*, такъ какъ въ этомъ положеніи послѣдній звукъ переходитъ въ ў. Въ иностранныхъ словахъ на мѣстѣ *ф* бѣлорусы знаютъ а) *п*: Пили́п, Язэп (ср. иосепъ XV в.); б) *хв*: хварту́х, ахвицэ́р, Хвёдар; в) *х*: Хадоська, Хлавианъ 1489; г) въ словахъ, взятыхъ изъ польскаго *т*: Тамаш (томашъ албо фома XV в.).

Въ качествѣ вставочныхъ и приставочныхъ согласныхъ въ бѣлорусскихъ говорахъ являются *в* и *г*; первый звукъ преобладаетъ: охвота, ниводзин, па во́строви, во́чы, во́сянь, навучы́ли, ву́цица, тую вико́ну (рѣдко. Рогач.). То же въ старыхъ памятникахъ: да водного XV в., ѡко вось, ѹесть его вѹжъ Скор. (Бѣлор., II, 1, 426—427). Приставочный *г* довольно распространенъ въ разныхъ бѣлорусскихъ областяхъ въ словахъ гэ́ты, гарѣ́х, гуж, гетакихъ 1589, гужъ, гужи Скор. Въ югозападныхъ говорахъ въ качествѣ приставочнаго звука *г* выступаетъ и въ другихъ словахъ, гдѣ въ большей части Бѣлоруссіи бываетъ *в*: гоўца́, гавёс, гу́лица и под. (Бѣлор., II, 1, 474—475).

Приставочнаго *н* послѣ предлоговъ (развившагося изъ послѣднихъ) передъ формами мѣстоименія и—ѩ—є въ бѣлор. нарѣчіи обыкновенно не бываетъ: у яго, на ёй, з ими, такъ какъ здѣсь стеченіе гласныхъ въ достаточной степени устраняется посредствомъ *j*, стоящаго въ началѣ формъ названнаго мѣстоименія. Звукъ *j* нерѣдко приставляется и въ другихъ случаяхъ: на ю́лку Рѣчиц., да яго́нь Бобр. Въ глагольныхъ формахъ *н* бываетъ и въ бѣлор. нарѣчіи: зняць; то же и въ старыхъ памятникахъ: єсмь нѧлсѧ 1383, инѧти XVI в. и др. (Бѣлор., II, 1, 307—408).

Что касается выпаденія и отпаденія согласныхъ, то первое представляетъ тѣ же явленія, что и въ великорусскихъ говорахъ. Что же касается второго, то здѣсь есть кое-что интересное. И отпадаютъ чаще всего *в* и *г*. Особенно стало возможно отпаденіе второго, такъ какъ звукъ его—длительный

*

г—приближается къ придыханіямъ. Примѣры: лядзи́ (гляди), лядзѣць, палядзу, осподар (ср. хто е̂ сподарь 1489, ѡсподарьско̂ ib.)—почти общебѣлорусскія формы, пиро (пирогъ) Бых. *В* иногда отпадаетъ въ приставкѣ *вз-*, которая поэтому можетъ имѣть видъ *оз-*: азьми́ при вазьми́; довольно обычна эта приставка въ старыхъ памятникахъ: озма XV в., ѡзме XVI и т. д. (Бѣлор., II, 1, 423—424).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ Могилевской губ. часто между гласными выпадаетъ j, особенно въ окончаніяхъ прилагательныхъ и глаголовъ: до́браа, та́а, зна́а, ска́зуа, до́бруу, сваў и т. д. Это явленіе наблюдается и въ старинныхъ памятникахъ,—въ послѣднихъ не безъ югославянскаго вліянія: вѣликаа́ XVI в., прускаа, дроую 1489 (изъ другую—друую) и др. (Бѣлор. II, 1, 54). Иногда пропускается вторичный j изъ *ж*: моець (можетъ быть) Черик., Горец., моо так Гом. Иногда отпадаетъ j въ началѣ словъ: ня ѣли, *ак* нам тут дали Горец., *аще́* при яще Новогр.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отпадаетъ конечное *т* въ группѣ *ст*; болѣсь (изъ болѣсть), чесь Сѣн., ѣсь, ёсь Вит. и др.

Сѣверовосточнымъ бѣлорусскимъ говорамъ извѣстно смѣшеніе основныхъ *ч* и *ц*: чарства Велиж., чѣлый ib., вяноцки Смол. Точнѣе границу цокающихъ говоровъ можно провести къ сѣверу отъ Смоленска, Суража Вит. г., Невеля и Себежа. Цокаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ старину жили смоленскіе и полоцкіе кривичи, бывшіе сродни Новгородскимъ славянамъ, также цокавшимъ уже въ XI вѣкѣ. Примѣровъ этого смѣшенія *ч* и *ц* въ старинныхъ памятникахъ масса: немечькому 1264, человапию, доконцанъ XIV в. и т. д. (Бѣлорусы, II, 1, 497—498).

Аналогичное указанному явленію представляетъ переходъ *ж* въ *з* и *ш* въ *с*, и наоборотъ, наблюдаемый въ языкѣ населенія нѣкоторыхъ мѣстностей, лежащихъ на сѣверѣ; это собственно особенность псковскаго говора. Такъ мы имѣемъ за́лко Порѣч. Смол. г., нѣ̂ за̂ного живого XVI в., стѧза (=сътѧжа) Скор., золчь XV в., лишии (лисій) 1399, васи бозѣ XV в. и под. (ср. Бѣлорусы, II, 1, 491—492, 454—455, 493, 456), явленіе въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи впрочемъ рѣдкое. Встрѣчающееся во многихъ мѣстностяхъ «зялѣзо», при малор. «залізо» должно быть объясняемо иначе; также «рзуць» при ц.-слав. ржѫтн архаизмъ.

На нѣкоторыхъ измѣненіяхъ согласныхъ звуковъ въ словахъ сказывается дѣйствіе народной этимологіи. Такъ литературное общерусское «хозяинъ», «хозяйка» въ тѣхъ бѣлорусскихъ говорахъ, гдѣ оно извѣстно (обычно «госпадар», «госпадыня»), имѣетъ форму хадзя́ин—хадзя́йка, гдѣ нельзя не видѣть пріуроченія къ корню ход; тоже осмысленіе въ «хрест», «хрисцицца» подъ вліяніемъ Христосъ.

б) *Въ образованіи и измѣненіи словъ.*

Въ области словообразованія бѣлорусское нарѣчіе, не отступая въ общемъ отъ другихъ русскихъ нарѣчій, представляетъ и нѣкоторыя самостоятельныя любопытныя явленія. Выдѣленіе ихъ здѣсь въ особый отдѣлъ заставило бы насъ для разныхъ поясненій часто уклоняться въ сторону. Для болѣе цѣльнаго представленія морфологическихъ особенностей, мы будемъ касаться такихъ явленій попутно, при изложеніи склоненій и спряженій [1]).

Большинство отступленій отъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій во флексіи объясняется фонетическими причинами, а также сохраненіемъ старины.

Склоненія.

Что касается категоріи рода, то въ бѣлорусскомъ нарѣчіи можно указать немало отступленій отъ великорусскихъ говоровъ, происшедшихъ вслѣдствіе вліянія однѣхъ основъ на другія—съ одной стороны, съ другой—у одушевленныхъ предметовъ—вслѣдствіе представленія пола. Немалое вліяніе оказываютъ и причины чисто фонетическія, а также и нѣкоторыя другія еще недостаточно выясненныя обстоятельства. Такъ по причинѣ вліянія однѣхъ основъ на другія и смѣшенія ихъ перешли въ муж. родъ слова: цѣнь, боль, жаль, пагибель, далонь, мазоль, плѣш, цѣп (цѣпь) (як с цѣпу сарвауся), пыл (=пыль), палын, поунач, твар (лицо) и цѣк.

[1]) Подробно этотъ отдѣлъ разсмотрѣнъ нами въ „Бѣлорусахъ", II, вып. 2: Историческій очеркъ словообразованія и словоизмѣненія въ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Варшава. 1911, стр. 1—136.

др., отчасти извѣстныя и старому зап.-русскому нарѣчію: по той же причинѣ въ женскій родъ перешли: пара (=паръ), а также мечь (гойструю мечь), череу (ч. распароушы), пятрова дзень — нѣкоторые случаи не общебѣлорусскіе.

Подъ вліяніемъ представленія о естественномъ полѣ предметовъ, особенно, если имѣлось по два слова для ихъ названій, слова, обозначавшія самцовъ, стали муж. рода, а самокъ женскаго. Вслѣдствіе этого въ муж. родѣ оказались: сабáка, лóшадзь (обыкновенно «конь»), изрѣдка мыш: въ женскомъ родѣ стало: гусь, дзяучá. По фонетическимъ причинамъ слова средняго рода (съ основами на-ŏ) въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ по своимъ падежнымъ окончаніямъ стали совпадать со словами женскаго рода (съ основами на-ā), вслѣдствіе этого народъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на слова женскаго рода. Произошло это, какъ и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ отъ того, что безударный гласный послѣдняго слога *о* обратился въ *а* и тѣмъ совпалъ съ окончаніемъ именительнаго падежа словъ женскаго рода: пúва пья́ная, святáя Благовѣщаньня, ўсю стáду, чáрстви нябéснэй, на бѣлую блю́ду и т. д. Подобные случаи извѣстны и старинным памятникамъ: бедрѣ твóеи, пóнеси копию которои и др. Когда вслѣдствіе фонетическихъ причинъ слова средняго рода могли переходить въ женскій р., явилась возможность смѣшенія съ ними и исконныхъ словъ женскаго рода на — *а*, которыя въ непонятныхъ для меня случаяхъ стали принимать окончаніе — *о* и, повидимому, стали словами средняго рода; таковы: паліо́, гривó, брывó; въ средній родъ перешло и нѣсколько словъ муж. рода: глазó. удó, Велúкаднё (ср. Бѣлорусы, II, 3, 21—24).

Категорія рода оказала свое сильное вліяніе и на слова съ основами на-*а* мужескаго рода въ томъ отношеніи, что почти во всѣхъ бѣлорусскихъ говорахъ въ косвенныхъ падежахъ они могутъ склоняться какъ слова мужескаго рода съ основами на-ŏ: к судьдзю́, к собáку, с собáком, за пья́ницом, з Вáнем и т. д. Иногда даже именительный падежъ въ такихъ словахъ получаетъ окончаніе мужескаго рода: млад юнаш Черик., с уся́каго болё́зя, если въ приведенныхъ примѣрахъ не великоруссизмъ (по-бѣлорусски: дзяцюк, хвароба). Какъ бы въ противоположность сказанному, съ нѣкоторыми словами мужескаго рода, оканчивающимися на-

а прилагательное можетъ соединяться въ женскомъ родѣ: святую Миколу, судьдзя праведная и под.

Чиселъ въ теперешнихъ бѣлорусскихъ говорахъ только два: единственное и множественное; отъ двойственнаго сохранились лишь самые незначительные остатки. При числительномъ два, а въ подражаніе ему при три-четыре въ двойственномъ могутъ стоять только слова женскаго и средняго рода: дзьвѣ руцѣ́, четы́ре приго́дзѣ, три бя́дзѣ, дзьвѣ лѣ́цѣ и т. д. (Бѣлоруссы, II, 2, 143—144). Отъ словъ мужескoго рода обыкновенно ставится множ. число. То же видимъ и въ старинныхъ памятникахъ: два кони 1479, два сосуды Скор., но две жене, руце, нозе ib., двѣ лѣте, две седле XVI в. Впрочемъ извѣстно и множ. число отъ словъ женскаго и средняго рода: две трубы Скор., ѡбѣдве войска XVI в. Позн. (Бѣлор., II, 2, 139—140). Какъ слѣдъ двойственнаго числа отъ нѣкоторыхъ словъ сохранились отдѣльныя формы двойственнаго: дзьвѣ, абѣдзьвѣ, дзьвѣсцѣ; особенно часты формы творительнаго на *-ма*: очыма, плечыма, слязима, дравима, грашыма. Въ случаяхъ, подобныхъ послѣднимъ, только окончаніе двойственнаго, но не значеніе. Въ старыхъ памятникахъ такихъ случаевъ естественно еще больше: очью, очима, трима слугама XV в., ѹшью, ушию Скор., ѿ руку твоихъ ib., тыхъ дву сту и под. (Бѣлорусы, II, 2, 145—147).

Дѣлая замѣчанія о выраженіи числа у именъ существительныхъ, нельзя не коснуться вопроса о выраженіи множественнаго числа при помощи собирательныхъ, стоящихъ въ единственномъ числѣ (Бѣлорусы, II, 2, 147—151). Подобный способъ обозначенія множественности уже былъ извѣстенъ др.-русскому языку; очень охотно прибѣгало къ нему и старое западнорусское нарѣчіе; знаетъ его и современная рѣчь: рубиѥ альбо хусты XV в., на колье тыкаху XV в., колосье 1580, голье XVII в., бабъё, бру́ссл, выраннё (вороньё), коре́ннё, ли́сця, стру́чча и т. д.—все образованія ср. р. на *-ье*. Изъ словъ жен. р. особенно часто употребляются слова на *-а*: братья: съ своею братьею 1264, тамося крестилъ и братья его XV в.; господа: вамъ гдѣ своѥи кланѧѥмся ib.; жидова: вараз и жидова XV, сторожа, холопья и др., современныя: блазно́та, мальгва́ (маленькія рыбки), мале́ча, черва́ и под. Рѣже употребляются собирательныя на мягкій согласный (*-ь*): плоць (плотва), рызь (старьё).

Что касается падежей, что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи въ единственномъ числѣ ихъ однимъ больше, нежели въ великорусскомъ, такъ какъ отъ старины удержалась особая форма для звательнаго падежа, по крайней мѣрѣ у основъ на-о̆, -й и -ӑ: пане ива́не, во́рле, му́жу, сы́нку, га́ю, коню, мѣ́сяцу, ма́тко, заро́ и т. д. Нѣкоторые изъ звательныхъ по своей формѣ новообразованія. Такъ же обстоитъ дѣло и въ старыхъ памятникахъ: Боже, сыну, мужу, земле и т. д. Скор.; тамъ же, вѣроятно, не безъ вліянія ц.-славянскаго встрѣчаемъ даже «о смерти». Въ восточныхъ говорахъ въ роли звательнаго встрѣчаемъ такія новообразованія, какъ: мам, баб, молодух, тёт — съ пропускомъ въ окончаніи *о* — *е*, т. е. имѣемъ то же, что и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ.

Склоненіе существительныхъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію окончаній склоняемыхъ словъ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи находимъ слѣдующія особенности.

Въ единственномъ числѣ.

Именительный п., какъ и въ малорусскихъ говорахъ, знаетъ у словъ мужескаго рода между прочимъ и окончаніе -*о*: Дани́ло, Петро́, дружко́, Янко, братко́, глазо́, ба́цюшко, та́тко и т. д.; то же и въ старинныхъ памятникахъ: Мисайло 1398, Олександро 1432, и Франциско Скорина XVI в., Ягайло и т. д. Подобныя уменьшительно-ласкательныя образованія конечно подражаютъ окончанію словъ средняго рода. Послѣ гласныхъ вм. -*о* въ нихъ бываетъ -*е*: Сафронїє пишетъ 1562, святый Николае помогаетъ и под. въ старинныхъ памятникахъ. Въ случаѣ безударности окончаніе -*о* замѣняется на -*а*: ба́цька, дзя́дзька, та́тка, и въ косвенныхъ падежахъ тогда возможно образованіе по образцу словъ женскаго рода (р. п. дзядзьки), хотя и не во всѣхъ падежахъ.

Въ пѣсенной рѣчи, какъ въ малорусскомъ и сербскомъ языкахъ, въ роли именительнаго нерѣдко выступаетъ звательный: сидзи́ць Бо́же, ходзи́ў Раю, уля́не запла́каў, ишо́ў пани́чу, ѣ́дзе Ясю, ѣдзе, Ива́ньку папо́ў на вадзи́цу пашо́ў, а мой мужу бла́зне хо́чець мяне́ би́ци и т. д. (Бѣлор., II, 2, 160).

Подъ вліяніемъ чисто фонетическихъ причинъ слово «го-

лубь» перешло въ твердое различіе основъ на -ŏ; р. голуба, д. голубу и т. д.

У словъ женскаго рода обыкновенное окончаніе *-а* — *-я*; старинное *-и*, какъ полонизмъ, удержалось лишь въ словѣ «пани», кое-гдѣ «господыни», «княгини». Тѣ же слова извѣстны и въ старинныхъ памятникахъ (Бѣлорусы, II, 2, 213).

Слова, въ родѣ «цьркы», съ основами на -ū, перешли въ основы на -ĭ: цéркоў, свякрóў, или на -ā: цéрква, свякрóва.

Слова средняго рода съ основами на *-мен-*, если не имѣютъ ударенія на концѣ, въ именительномъ вм. *а* (*я*) могутъ имѣть *е* (*ё*): ймя, племя́, имя́ и т. д., но и и́ме, пле́ме, сѣме и и́мё, сѣмё и т. д. То же колебаніе и въ старинныхъ памятникахъ: имѧ и йме, сэме и под. (Бѣлор., II, 2. 244—245). Относящіяся къ основамъ на *-мен*—слова мужескаго рода перешли въ мягкое различіе основъ на -ŏ: камень, -еня, ячмень и т. д.

У основъ на *-ѧт*-старый именительный на *-а* (*-я*) въ полной силѣ: цяля́, жарабя́, парася́, дзиця́ и т. д. Есть даже новообразованія: дзяўча́, паня́, небажа́, зярня́, гарбузяня́ (съ прибавкой *-ен-*), куран́я, казляня́ и т. д. По аналогіи большинства словъ средняго рода съ основой на *-о* вм. *-а*(*-я*) и здѣсь возможно окончаніе *-о* (*-е*): парасё, дзицё, щанё, ваўчо́, кацянё.

Удерживается отъ старины «ма́ци» рядомъ съ «мацъ» — «матка» — «мацяр» (и даже матар), кое-гдѣ встрѣчается «до́чи» (вм. обычнаго дачка́).

Въ родительномъ падежѣ у основъ на *-ŏ* сильно распространено окончаніе *-у*, зашедшее сюда отъ основъ на -ŭ: ме́ду, то́ргу, ра́ю, Дуна́ю, аўсу́, дзёгцю и т. д.; тоже и въ старинныхъ памятникахъ: миру 1349, дарꙋ 1489, ѿ голоду и т. д. (Бѣлор., II, 2, 162—163); только названія лицъ не употребляютъ этого окончанія. Отъ слова «дзень» род. «дня» (днѧ Скор.), но въ нарѣчныхъ выраженіяхъ есть и «дне» — «дни» (сегодне, сегодни, сянни), въ чемъ можно видѣть старину, но можно также *е-и* выводить фонетически изъ *а*(*я*) безударнаго. Къ «дзиця́» род. п. «дзицяци» и «дзиця»; къ «маци» р. п. «мацяри» и «маци» (уже табѣ твае́й маци вѣкъ не видаци). Въ западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ (Гродн. г.) отъ основъ на *-а* въ мягкомъ различіи

извѣстно окончаніе *-е=ѣ* (от зямле), заходящее и въ твердое (хустка сястрэ). То же можно отмѣтить и въ старинныхъ памятникахъ: ѿ темнице 1489, пище потребное Скор. (Бѣлор., II, 2, 214—215).

Въ дательномъ падежѣ обычныя окончанія. Въ нѣкорыхъ мѣстностяхъ Гродненской г. у названій одушевленныхъ предметовъ мужескаго пола встрѣчается рѣдкое у бѣлорусовъ *-ови*, чаще *-еви* даже въ твердомъ различіи: Данилови, жабракеви, жарабцеви и под., окончаніе, заимствованное у основъ на *-ŭ*. Въ старыхъ памятникахъ, можетъ быть подъ вліяніемъ ц.-слав. языка это окончаніе чаще (Бѣлорусы, II, 2, 165—166). Возлѣ Гродна можно слышать отъ основъ на *-ŏ* дат. п. на *-ей*: дзякей, мужыкей, бацькей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и случаяхъ «маци» и «дочи» въ дательномъ падежѣ встрѣчаются безъ измѣненія: своей родной маци Игум., ку своей дочи Бых. Другія отличія въ формахъ дательнаго объясняются чисто фонетически: рутцѣ, матушны, сасѣ, мачыси и т. п.

Винительный п. у словъ муж. рода съ основами на *-о*, обозначающихъ одушевленные предметы, какъ и въ великорусскомъ нарѣчіи, замѣняется родительнымъ падежомъ. Но въ бѣлорусскомъ нарѣчіи дѣло пошло дальше: нерѣдко и не одушевленные предметы для винительнаго падежа пользуются формой родительнаго: сѣкуць дуба, вазьми рубля, знайшоў гриба, даў драла, на вяликадня и т. д. Слово «маци», какъ и въ другихъ падежахъ, и здѣсь можетъ оставаться безъ измѣненія: тваю маци.

Творительный п. вообще правильно отражаетъ старину. Въ женскомъ родѣ у основъ на *-ā* обыкновенно *-ою* (рукою), *-ой* встрѣчается рѣдко. Въ сѣверовосточныхъ говорахъ вм. безударнаго *-ой* бываетъ *-эй* — *-ый*, согласно извѣстнымъ фонетическимъ измѣненіямъ гласныхъ: бабый — бабэй. Отмѣтимъ еще нѣсколько рѣдкихъ пѣсенныхъ формъ: з маци Лепп., ймям своим Сѣнн., перед святым Пятро Рѣч., з Юрью Горец., своей меччу (=мечью—мечомъ) Рогач.

Въ мѣстномъ п. довольно распространено окончаніе *-у*, зашедшее отъ основъ на *-ŭ*: ў чорным шоўку, ў баркў, на Дунаю, ў полю, особенно послѣ задненебныхъ для избѣжанія смягченія ихъ: на надворейку, ў ўху. Проникновеніе *у* въ мѣстный въ значительной степени можно наблюдать уже въ старинныхъ памятникахъ: оу полотскоу 1383, въ

новѣгородкоу, оу мѣнскоу, оу смоленскоу, в лупку 1432, оу родѸ жидоскомъ 1489, ѐ песку Скор. и т. д., ѡ познанью XVI в., при морѸ, на пескѸ, в меху 1580 и др. (Бѣлор. II, 2, 176—178).

Во множественномъ числѣ.

Именительный п. представляетъ слѣдующія особенности. У основъ на -ŏ свойственнаго великорусскимъ говоромъ окончанія -а́ совершенно нѣтъ: вм. дома́, цвѣта́, лѣса́ у бѣлорусовъ только—дамы́, цвяты́, лясы́ и т. д.; рядомъ съ *ы* на югозападѣ Бѣлоруссіи очень распространено е́ изъ прарусскаго -*ѣ*, составлявшее принадлежность первоначально мягкаго различія, а затѣмъ распространившееся и на твердое и въ настоящее время удержавшееся только въ послѣднемъ, вслѣдствіе чего передъ *е* согласный твердый, кромѣ заднеиёбныхъ: валэ́, галубэ́, жанцэ́, мужыке́; то же и у словъ женскаго рода: жанке́, дзяуке́ и т. д. Старымъ западнорусскимъ памятникамъ это окончаніе также извѣстно: палце, коне, вельможе, летописце Скор., сироты и вдовице 1489, помыє XV в., княгине, єреє 1562 и т. д. (Бѣлор., II, 2, 181—183). Подобное же окончаніе на -*е* изъ основного -є извѣстно словамъ на -*инъ*: мѣщане, хазяе́ и хазяи́, цыга́не и цыганы́ и под. Слова средняго рода вм. -*а* безъ ударенія обыкновенно употребляютъ -*ы*: варо́ты, се́лы, дро́вы, но здѣсь возможно и -*а*. Въ мѣстностяхъ, гдѣ особенно сильно польское вліяніе, въ именительномъ падежѣ множ. ч. можно слышать -*ове*: панове, сватове. Въ старыхъ памятникахъ оно значительно чаще: жидове 1489, змиеве ib., сыновѣ Скор. и др., въ чемъ отчасти можно видѣть и ц.-славянское вліяніе. Отмѣтимъ еще остатки глубокой старины: че́рии (при чарты́), сусѣдзи, го́ни (при гоны). Впрочемъ всѣ эти имен. п. на -*и* въ косвенныхъ падежахъ измѣняются по образцу основъ на -ĭ, какъ «людзи». Именит. п. множ. числа иногда съ успѣхомъ выражается единственнымъ числомъ словъ собирательныхъ: сынавъё, мужыччо́, галлё и т. д.

Въ родительномъ падежѣ окончаніе -оў (-овъ) пользуется бо́льшей распространенностью, нежели въ литературной русской рѣчи: зашло оно и въ мягкое различіе основъ на -ŏ муж. рода (рублёў, канёў, акунёў), въ слова средняго рода (варо́тоў, пі́сьмоў); извѣстно оно даже основамъ на -ā (старшы́ноў). Рядомъ съ -оў существуютъ конечно и другія окончанія: изрѣдка на согласный основы (мѣща́н, тата́р, рог),

на *-ей* (гро́шей); отъ снова «дзень» род. п. дзён и днёу, какъ и въ старинныхъ памятникахъ.

Въ дательномъ падежѣ, какъ и въ великорусскомъ нарѣчіи, возобладало окончаніе основъ на *-ā — амъ*, но и старинное *-омъ — -емъ* (изъ *-емъ* и *-ъмъ*) живетъ до сихъ поръ, особенно подъ удареніемъ: зубо́м (при зуба́м), сынко́м (при сынкам), людзём (при лю́дзям), дзяцём, сянём и под. Понятно, отмѣченныя окончанія обычны и въ старыхъ памятникахъ: врагомъ 1489, по дворомъ, мужомъ XV в., львомъ, богомъ Скор., учителомъ (чит. у-лёмъ) іb., но и *-амъ* имъ также извѣстны: словамъ Скор., по селамъ XVI в. Позн. и др.

Винительный п., какъ совпавшій съ именительнымъ, представляетъ тѣ же особенности, что и послѣдній. Лишь у названій лицъ и вообще предметовъ одушевленныхъ онъ замѣняется родительнымъ; но, какъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, часто бываютъ и здѣсь отступленія въ томъ смыслѣ, что винит. п. совпадаетъ съ именительнымъ: хвалю́ жанке́, допць каро́вы, пасци валы́, улюби́уся ў до́чи сває́, бабры́ павѣсиць и т. д. Впрочемъ имена лицъ (но не животныхъ) обыкновенно ставятся въ родительномъ падежѣ. Какъ и въ великорусскихъ говорахъ, форма, сходная съ именительнымъ, употребляется для означенія перемѣны состоянія: брацъ, аддава́ць ў салда́ты, пайци ў го́сьци и т. д.

Творительный падежъ, какъ и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, представляетъ возобладаніе *-ами*, но и *-ми* (изъ основного *-ъми*, *-ьми*) тоже нерѣдкость, при томъ не только какъ остатокъ старины (въ основахъ на *-ĭ*, *-ī* и согласные), но и какъ новообразованіе: гро́шми, ключми́, ко́ньми, обру́сми, слязми́, шы́йми, не говоря уже о такихъ формахъ, какъ сяньми́, дзьвярми́ гдѣ это *-ми* органическое. То же находимъ и въ старыхъ памятникахъ, гдѣ рядомъ съ праславянскими и прарусскими окончаніями на *-ы* (поити ис татары 1349, з гоны бобровыми 1399, всими витези, великими вороты XVI в. и т. д.), встрѣчаемъ массу примѣровъ на *-ми* (обычайми, крылми, витезми и т. д.), при *-ами* (со львами, горшками, зверами Скор. и др.) (Бѣлор., II, 2, 199—204). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, больше въ цокающихъ говорахъ, творительный можетъ замѣняться дательнымъ: за дрова́м, за блина́м Бѣльск. Смол. г., розгам накажим Гом. (вѣроятно, отъ старообрядцевъ). Изрѣдка можно встрѣчать творит. п. на

-амы (рукамы Бых., зубамы, сватамы Могил.), которое можно объяснять какъ компромиссъ *-ами* и *-ы*, долго жившаго въ старомъ западнорусскомъ нарѣчіи (Бѣлор., II, 2, 203—204). Такія образованія, какъ сусѣдзими, дзѣцими Сѣнн., конечно не морфологическое, а фонетическое явленіе.

Мѣстный падежъ обыкновенно оканчивается на *-ахъ*, зашедшее сюда отъ основъ на -ā, но и старинныя окончанія другихъ основъ въ разныхъ отраженіяхъ живутъ до сихъ поръ. Такъ слѣдъ *-ѣхъ* представляютъ такія образованія, какъ ворoцѣх, вороцих, вороцях, в лѣцѣх, лѣцях и под., съ мягкимъ *ц* изъ *т* передъ старинныыъ *-ѣ-*; *-ъхъ— -охъ* (окончаніе основъ на -ŭ, употребляющееся теперь больше не на своемъ мѣстѣ): по лядо́х, по бало́тох, по махох, даже—на вило́х; *-ьхъ— -ехъ* (окончаніе основъ на -ĭ и на согласные): людзёх, сянёх, камянёх. Въ старыхъ памятникахъ всѣ эти архаизмы въ большемъ числѣ: формы на *-ахъ* не господствуютъ. Примѣры: о дарехъ Скор., въ шатѣ XVI в., въ рѣчо 1489, трохъ королохъ XV в., в мехохъ Скор., по ıазыкохъ ib., в цр҇кво XVI в., во племенехъ ib. (Бѣлор., II, 2, 204—209, 212, 228, 234, 239, 242, 246).

Мѣстоименія.

Въ склоненіи мѣстоименій отмѣтимъ:

а) Отличія въ основахъ. Это, какъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ, формы тобѣ—собѣ, идущія отъ прарусскаго языка (въ зап.-русскихъ памятникахъ, начиная съ Псалт. 1296 г.); далѣе именит. ён, яна́, яно́—съ j, зашедшимъ сюда изъ косвенныхъ падежей; той, тая, тое изъ тъ + и, та + ıа, то + ıе; гэ́тый (въ большинствѣ говоровъ), гэтакій, гэный, гэйный, кождый, кожный, кожен, жа́дзен (= же + едьнъ, ни одинъ), наській, сёй, ўвесь—увсе́й и нѣк. другія, больше новообразованія (ср. Бѣлорусы, II, 2, 61—66).

б) Отличія въ формахъ. У мѣстоименій личныхъ отмѣтимъ: род. п. мине́, цибе́, сибе́; то же въ винит. падежѣ. Въ *е* можно видѣть глубокую старину (Бѣлор., II, 2, 254). Въ винит. п. въ ю.-западныхъ говорахъ встрѣчаются и энклитическія *ме, це, се*, возникшія не безъ вліянія, быть можетъ, польскаго языка (mię, cię, się), хотя конечно возможно выводить ихъ и изъ старинныхъ мѧ, тѧ, сѧ, извѣстныхъ и западнорусскимъ

памятникамъ (Бѣлорусы, II, 2, 257). Послѣднее мѣстоименіе въ соединеніи съ глаголомъ имѣетъ видъ *ся*, *си*, *се*, *сь*, что отчасти объясняется фонетическими причинами, отчасти особыми образованіями (въ *се—си* можно видѣть и форму дательнаго энклитическую). Въ нѣкоторыхъ могилевскихъ говорахъ «между собою» выражается посредствомъ «меж собку».

У мѣстоименій неличныхъ обращаютъ на себя вниманіе: р. п. жен. р. тое́, тае́, яе, мое́, мае́, гдѣ *-ое* = др.-рус. *-оѣ*; это образованіе очень распространено въ ст.-западнорусскомъ языкѣ: тое земли 1264, тоѣ ночи XV в., тое́ виницы бороний XVI в. и т. д. (Бѣлор., II, 2, 261); еще отмѣтимъ тыя, таей, тэй, объясняемыя отчасти фонетически. Въ муж. родѣ, кромѣ моего, твоего, своего, еще встрѣчаются майго́, твайго́, свайго́, и маго́, тваго́, сваго́—со стяженіемъ гласныхъ. Старые памятники сокращенныхъ и стянутыхъ формъ не знаютъ.

Въ творит. п. сильно замѣтно вліяніе склоненія прилагательныхъ: тым, ким, ўсим; въ «чым» конечно старина. Съ творительнымъ часто совпадаетъ и мѣстный падежъ: об тым, ў водньм и под.

Въ именит. п. множ. ч. больше вторичныя образованія: яны, адны́, ўси и ўсѣ, самы́, мае́, твае́, чіе́, тые, гэтые (гдѣ *-е* = *-ѣ*); въ мѣстностяхъ, знающихъ именительный ед. ч. на-*ей*—*-эй*, именит. множ. ч. оканчивается на-*ея*—*-эя*: такея, самэя. Многія изъ перечисленныхъ образованій находятъ отраженія и въ старыхъ памятникахъ: тые села 1433, тыи люди XV в., оуси ib., всѣ шаты XVII в. и др. (Бѣлор., II, 2, 264—265, 288 и др.).

Много новообразованій встрѣчается и въ косвенныхъ падежахъ: тых, тым..., ўсих, ўсим..., гэтых... и т. д.

Числительныя.

Къ склоненію мѣстоименій примыкаетъ и измѣненіе нѣкоторыхъ числительныхъ. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи произошло полное смѣшеніе именного склоненія числительныхъ и мѣстоименнаго: какъ «два», такъ склоняются «тры», «четыры» и даже «пяць», «шесць» и т. д. Именно:

Имен. два (м. р.), дзвѣ (ж. и ср. р.), тры, чатыры, пяць...
Родит. двух—двох, дзвюх—дзвёх, трох, чатырох, пяцёх...
Дат. двум—двом, дзвюм—дзвём, тром, чатыром, пяцём...

Твор. двума—двома, дзвюма—дзвёма, трыма, чатырма, пяцьма...
Мѣстн. о двух—двох, дзвюх—дзвёх, трох, чатырох, пяцёх...

Такое склоненіе уже было извѣстно и старымъ западнорусскимъ памятникамъ: ве тренадцете дне XV в., выбравши дванадцате мужевъ XVII в., тымъ шестма XVI в., пятьма тисячамъ 1580 и т. п. (Бѣлорусы, II, 2, 330—331).

По своему образованію замѣчательны слѣд. числительныя: дванаццаць (дванадцати 1562 г.) и дванаццаць; *н* вм. *д*—подъ вліяніемъ *н* въ предыдущемъ слогѣ—бываетъ и въ другихъ числительныхъ; обадва, обѣдзвѣ; на югѣ можно слышать: двойко, тройко, чацвёрко, пяцёрко и т. д. «Сорок», «сто» и «тысяча» обыкновенно склоняются, какъ имена существительныя. То же было и въ старомъ языкѣ. По аналогіи однако склоненія большинства числительныхъ по множественному и отчасти двойственному числамъ, подобныя образованія заходятъ и въ 40 и 100: сорокъма копами 1588, надъ стома витезми XVI в. и др. (Бѣлорусы, II, 2, 331—332).

Склоненіе прилагательныхъ.

Въ теперешнихъ живыхъ бѣлорусскихъ говорахъ возобладали полныя формы прилагательныхъ или же стянутыя изъ полныхъ. Послѣднія легко узнаются по ударенію, сходному съ тѣмъ, какое въ полныхъ формахъ прилагательныхъ: пъяна (краткая пъяна́), грошы кру́глы (кратк. круглы́) и т. д. Краткія формы встрѣчаются даже рѣже, нежели въ русскомъ литературномъ языкѣ: это больше пѣсенные эпитеты или же сокращенія, вызванныя рифмой и ритмомъ. Даже въ роли сказуемаго употребляются обыкновенно полныя формы, хотя возможны и краткія.

Что касается полныхъ формъ, то тутъ отмѣтимъ слѣдующія особенности.

Имен. ед. ч. обыкновенно оканчивается на *-ый* — *-ій*; то же окончаніе и подъ удареніемъ; *й* въ этомъ окончаніи можетъ и отсутствовать: до́брый и до́бры, сляпы́й и сляпы́, глухі́й и глухи́. Въ сѣверовосточныхъ говорахъ вм. *ый* извѣстно *-эй*, вм. *ій* (послѣ задненебныхъ) — *-ей*: аржаноэй, глухей, дорогей, даже—большей (ср. Бѣлор., II, 2, 307). Именит. п. на *ы*—*и* извѣстенъ и старымъ памятникамъ:

го(ть)скы берегъ 1264, малы 1541, глыбоки XVII в. и т. д. (ib., 305).

Всѣ разновидности родительнаго п. мужескаго и средняго рода выводятся изъ возобладавшаго въ русскомъ языкѣ мѣстоименнаго окончанія *-ого — -его*: маладо́го, до́брога, пре́жнего и т. д.; то же и въ старомъ языкѣ: полочко̑ 1265, старого 1497, тутошнего 1480, руского, вышнего Скор. и т. д. (ib., 309—310). Въ основѣ окончанія женскаго р. лежитъ *-ое — -ее*, возводимое къ основному русскому мѣстоименному окончанію *-оѣ*: лихо́е до́ли, гадзи́ны дзеся́тае, тре́цее гадзи́ны, бѣ́днэе ўдавы́ и т. д.; кромѣ этого окончанія извѣстно *-ые — -іе*: ми́лые, си́ніе; безударное *е* въ этомъ окончаніи, равное тому же *-ѣ*, можетъ переходить въ *а* (*я*): святы́я, сало́дкія; по близости къ Полѣсью можно слышать *-ои*: богатои Слон., въ другихъ мѣстностяхъ (на сѣв.-востокѣ) можно видѣть въ *-ои* фонетическое измѣненіе *-ое*: родзёнои Лепп. Извѣстное литературной рѣчи *-ой* также встрѣчается въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, гдѣ оно, какъ и въ именит. падежѣ ед. ч. муж. р., можетъ имѣть видъ *-эй*: дорого́й, бога́тэй. Всѣ окончанія родительнаго падежа находятъ отраженіе и въ старинныхъ памятникахъ: оу святоѣ софьѣ ок. 1300, таємноє рады XV в., ѿ непонѧтое жоны 1489, чужее Скор., святые 1578, стои сопіи XV в. и т. д. (Бѣлор., II, 2, 311—313).

Дательный п. лишь въ женскомъ родѣ представляетъ нѣкоторыя отличія, больше фонетическаго характера. Господствующее окончаніе *-ой* можетъ въ извѣстныхъ говорахъ переходить въ *-эй*, а послѣ заднenебныхъ и шипящихъ въ *-ей* и далѣе въ *-ій*: злой, дурнэ́й, друге́й, чужы́й и т. д.

Въ винит. п. женскаго р., подъ вліяніемъ вѣроятно, формы именительнаго на *-а*, часто встрѣчаемъ *-аю* вм. обычнаго *-ую*: бо́жаю, го́ршаю и под.; *а* безударное можетъ переходить въ *ы*: богомо́льныю, убо́рныю.

Въ творит. п. ж. р. обыкновенно *-ою*, которое, хотя и рѣдко, можетъ сокращаться въ *-ой*. Въ говорахъ, знающихъ въ именительномъ *-эй*, возможно это окончаніе и въ творит. п. женскаго р.: ста́рэй ба́бэй *О* безударное фонетически можетъ перейти въ *ы*: да́ўный паро́й.

Мѣстный п. един. ч. въ муж. и ср. р. обыкновенно совпадаетъ съ творительнымъ: ў вишнёвым са́дзи, на сивы́м ко́нику, ў сало́дким снѣ, на шыро́ким по́ли и т. д. Обычное

окончаніе *-омъ* — *-емъ* встрѣчается рѣже: ў чыстом по́ли, ў сусѣднем до́ми. По старымъ памятникамъ смѣшеніе творительнаго и мѣстнаго падежей можно прослѣдить съ XV в.: на чужй конѣ 1495, оу высокимь городе XVI в., на городѣ Несвижскимъ 1562 и т. д. (Бѣлор. II, 2, 317).

Во множ. числѣ именительно-винительный оканчивается на *-ые* — *-іе* (гдѣ *-е* = *-ѣ*), изъ которыхъ фонетическимъ путемъ выводятся *-ыя* — *-ія* и *-ыи* — *-іи*: до́брые людзи, си́вые птўшки, стары́е колёса; въ сильно акающихъ мѣстностяхъ: нявѣдо́мыя лю́дзи, бы́стрыя рѣ́чки; въ мѣстностяхъ съ диссимилятивнымъ аканьемъ: круть́и биряги́, ма́лыи дзѣ́ци; гдѣ извѣстно въ един. ч. *-эй*, тамъ въ именительномъ множ. ч. возможно *-эя*: госци любэя, волы половэя; еще отмѣтимъ рѣдкую ржевскую форму на *-аи*: гуси сѣ́раи. Большинство приведенныхъ образованій извѣстно и старому языку, только въ немъ *-ыя* — *-ія* можно объяснять и ц.-славянскимъ вліяніемъ (ср. Бѣлорусы, II, 2, 318—321).

Остальные падежи по своимъ окончаніямъ ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ въ южновеликорусскихъ говорахъ и литературной рѣчи.

Говоря о именахъ прилагательныхъ, нельзя умолчать о рѣдкихъ случаяхъ сравнительной степени:

добрый: лѣпѣй, лѣ́пи, лѣ́пшы; лѣпеи 1394, лепъшеи 1562; луччы, лоўтшы XVI в., валѣ́й, валѣшей.
злый: го́ршы, горшый 1562, горѣй, пущѣй, поущих XV в.
скорый: хучѣй, барждже́й (къ борздъ).
(О другихъ образованіяхъ см. Бѣлорусы, II, 2, 57—59).

Спряженія.

Глагольныя основы, при образованіи разныхъ формъ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи имѣютъ тотъ же видъ, что и въ великорусскомъ. Еще чаще, чѣмъ въ послѣднемъ, происходитъ совпаденіе основы настоящаго и неопредѣленнаго въ одной формѣ, напр.: дава́ць—дава́ю (уже въ XVII в. нехай намъ давай̆), пра́таць—пра́таю (произвожу уборку), пѣць—пѣю́—пяю́ и т. д. Въ приведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ основа настоящаго подражаетъ основѣ неопредѣленнаго; но

есть обратные случаи: при формѣ настоящаго «дзьму» имѣемъ и неопредѣленное «дзьмуць» (при «дуць»); при «стану» — «станоути» Пс. XVI в. и под. Вліяніе смѣшенія основъ сказывается и на нефонетическомъ измѣненіи нѣкоторыхъ суффиксовъ: вм. *-ова-* нерѣдко бываетъ *-ува-*, куда *-у-* зашло изъ суффикса настоящаго -уjе-: годуваць (изъ годоваць—годую), плюва́ць (изъ плеваць—плюю); вліяніемъ формъ настоящаго объясняются и такіе неопредѣленныя, какъ пе́кци (вм. печы), прыле́хчы (вм. прилечы) и под.

Изъ глагольныхъ суффиксовъ останавливаютъ на себѣ вниманіе: а) разныя замѣны основного суффикса *-ова-* — *-уjе-*, *-ева-* — *-'уjе-*. Развившійся изъ него въ литературномъ языкѣ *-ыва—* *-ива* для обозначенія многократности дѣйствія въ бѣлорусскомъ нарѣчіи не пользуется большимъ распространеніемъ: въ немъ многократность дѣйствія обыкновенно описывается нѣсколькими словами. Многократность иногда выражается суффиксомъ *-ава-*, *-ва-* (съ предыдущимъ неопредѣленнымъ гласнымъ или безъ него): выгава́раваць—выгава́рую, отки́дъваць—откидъваю, узнаваць—узнаю и под.; суффиксъ неопредѣленнаго часто заходитъ и въ настоящее (вм. ожидаемаго *-уjе-*): спороваюць, вытравае, хотя, вообще говоря, *-у-* въ настоящемъ обычное явленіе: выгова́рую, оса́джую, подно́шуя, зата́плюй Могил. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Могил. г. вм. *-ыва-* — *-ива-* употребляется *-ыj-* — *-иj-*: оса́джіиць, спра́шіець, обма́ныеш. Замѣчательно, что старые бѣлорусскіе памятники въ значительномъ количествѣ знаютъ *-ыва-* — *-ива-*: игрывали, хоживалъ XVI в. Позн., єдывали, пріеждивалъ XVI в. и др. (Бѣлор., II, 2, 75—76). б) Новообразованіе *-ану-*: макану́ць, хапану́ць и т. д. (Объ основахъ и о суффиксахъ ср. Бѣлор., II, 2, 67—80).

Что касается глагольныхъ окончаній, то тутъ замѣчательны слѣдующія.

Окончаніе неопредѣленнаго *-ци-* — *-ць-* съ преобладаніемъ перваго: мыци, чыса́ци, йци, жани́цися, плысци́ и т. д., люби́ць. У глаголовъ съ корнемъ на заднене́бные передъ окончаніемъ *-чы-* — *-ч-* могутъ возстанавляться *г* и *к*: мохчы, лехчы, ўцякчы при бѣч, збѣч; дальнѣйшимъ новообразованіемъ будетъ сѣкци, гдѣ, кромѣ *к*, и *-ци*—вторичное. Выдающейся чертой бѣлорусскаго нарѣчія являются окончанія на -тки, -цьки, -тоньки

въ глаголахъ дѣтскаго и вообще ласкательнаго языка: спатки, пицьки, ѣстоньки и под.

Въ настоящемъ времени тѣ же личныя окончанія, что и въ южновеликорусскихъ говорахъ; отступленія больше фонетическаго характера.

Изъ болѣе рѣдкихъ особенностей отмѣтимъ: сохраненіе отъ старины во 2 л. ед. ч. *-си*: яси́, даси́.

3-ье лицо обыкновенно имѣетъ *-ць* изъ основного славянскаго и др.-русскаго *-ть*: дасць, ѣсць, нясе́ць ро́биць; но -ць во всей группѣ югозападныхъ говоровъ, а иногда и въ другихъ мѣстахъ, у основъ на *-е-* можетъ и отсутствовать: дае́, нясе́, идзе́, бъе и т. д. Въ послѣднихъ говорахъ *-ць* удерживается лишь у основъ на *-и*: лю́биць, гаво́рыць, прыходзиць и т. д., хотя иногда и здѣсь *-ць* отпадаетъ, а конечное безударное *-и*, въ подражаніе такимъ образованіямъ, какъ «ка́же», «во́зьме», переходитъ въ *-е—я*: прыхо́дзя, гаво́ра, кло́ня и т. д. Отъ глагола «есмь», не употребляющагося въ 1 лицѣ, 3 л. обыкновенно ёсць, ёсь, ёсцека, рѣже ё. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Могилев. г., напр., Гомельскомъ, Сѣнн., попадаются странныя формы 3-го лица на *-ти* — *-ци*: бяги́ти вовк Гом., ѣдзеци Сѣнн.

Во множ. числѣ 1-ое лицо оканчивается на *-м* (= -мъ), но въ южныхъ областяхъ бѣлорусской рѣчи бываетъ и *-мо*, особенно любимое повелительнымъ наклоненіемъ. По фонетическимъ причинамъ *-мо* можетъ измѣняться въ *-ма*: но́симо, кладзе́мо, бѣжымо́ уцека́ймо, спѣва́йма. Окончаніе *-мо* очень хорошо извѣстно и разнымъ стариннымъ памятникамъ: есмо 1409, предамо XVI, седимо Скор., ѿдамо 1616 и др. (Бѣлор., II, 2, 350—352). Южнымъ бѣлорусскимъ говорамъ извѣстны также образованія съ несмягченнымъ согласнымъ передъ *о* изъ *е*: живо́м Рог., идо́м, мого́м Гом., поѣдом Слуцк.

2-ое лицо обыкновенно оканчивается на *-це* (= *-те*) часто съ оттяжкой ударенія на суффиксъ: спицё Мог., стоицё Лепп., ня боицёся Игум., ведете́ Гом. и т. д.

3-ье лицо оканчивается на *-уць* и *-аць* съ предыдущимъ твердымъ или мягкимъ согласнымъ, при чемъ старинное различеніе этихъ окончаній по основамъ на *-о/е* и *-и*, а также на согласные не выдерживается: несу́ць, про́сяць гово́руць, це́рпиюць, спяць. Это же окончаніе (но только съ *т* вм. *ц*)

знаютъ и старые памятники: живуть 1432, будуть 1457, ѿзмѴть XVI в., слышать 1489 и т. д. (Бѣлор., II, 2, 353—355). Подобно 3-му ед. числа, и 3 л. множ. ч. въ нѣкоторыхъ могилевскихъ говорахъ оканчивается на *-ци* — *-ти*: усн хлопцы бѣгути, чужія жонки йдути, яны поўзлажавали... дай пяюти тамъ, як оцец и маци до школы пойдуци и т. д.

Повелительное наклоненіе въ бѣлорусскихъ говорахъ до сихъ поръ сохранило много старинныхъ особенностей, напр. слѣдъ суффикса *-ѣ-*, прививъ его даже основамъ на *-и*: идзе́це, пясе́це, хадзе́м, голосе́це и т. д. Это *е* изъ *ѣ* идетъ безпрерывно отъ глубокой старины: идѣмо 1489, идѣмъ XVI в., боудемо и т. д., возмете XV в., пріимете 1562 и т. д. (Бѣлор., II, 2, 361—362). И *ѣ* на мѣстѣ *и* также извѣстно старымъ памятникамъ: поустѣте 1489, терпѣмо XVI в. (ib.). Въ говорахъ, сосѣднихъ съ великорусскими, отмѣченныя формы выходятъ изъ употребленія и замѣняются обычными въ южновеликорусскихъ говорахъ съ *и*. Конечное *и* 2-го л. ед. ч. послѣ гласнаго обыкновенно переходитъ въ *й*, которое можетъ заходить, какъ и въ русск. литературной рѣчи, и во множ. число: уцека́й, уцека́ймо; послѣ согласныхъ, особенно въ случаѣ безударности *-и*, послѣднее можетъ отпадать: кинь, згинь, отсту́п, ня стано́ўся: то же и въ старыхъ памятникахъ: вст҄Ѵпь, чинь XVI в. и т. д.

Будущее время выражается сходно съ южновеликорусскими говорами: буду рабі́ць, зраблю. Въ южныхъ говорахъ допускаются и образованія, сходныя съ малорусскими: рабі́циму, ищи́меш, сабира́цьмуць; рѣже въ такихъ случаяхъ употребляется маю: маю быць мяцён.

Сѣверозападная часть Гродненской губ., наиболѣе подверженная польскому вліянію, знаетъ будущее II-ое: буду мог, будзеш прасі́ла и т. п. Такія образованія извѣстны и старому западнорусскому нарѣчію: боудоу моглъ имѣти XV в. и др.

Причастія настоящаго вр. дѣйствительнаго залога приняли неизмѣняемую форму (дѣепричастіе) на *-учы* и *-ачы*: несучы́, просячы, сѣдзючы, рыда́ячы. Какъ видно изъ послѣднихъ примѣровъ, эти окончанія часто употребляются не на своемъ мѣстѣ. Въ пѣсняхъ иногда встрѣчаются и образова-

нія на *-я*: сѣдзя, начу́я, сто́я. Особеннаго вниманія заслуживаютъ рѣдкія образованія на *-а* (корися мужу як м о г а), обычныя въ древнерусскихъ (на мѣстѣ ц.-сл.-ы) и старыхъ западнорусскихъ памятникахъ: мока дождемъ и горя зпоѐ, жива, возма, зова, какъ хто мога, ила 1489 и др. (Бѣлор., II, 2, 366—367).

Причастіе прошедш. вр. оканчивается на *-шы*: бѣгшы, ѣ́ўшы: очень рѣдко встрѣчается -ў (изъ *-въ*): розлиў слёзки. Въ сѣверовосточныхъ областяхъ, сосѣднихъ съ великорусскими, причастіе прошед. вр. знаетъ образованія на *-емшы*; запалёмшы, проглыцёмшы, спородзёмшы и под. Можетъ быть они образовались подъ вліяніемъ причастія отъ глагола іати (ср. вземши, вынемши гр. 1597 г.).

Причастіе прошедшаго времени на *-лъ* образуется такъ же, какъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ; послѣ гласныхъ на мѣстѣ *л* по извѣстному фонетическому закону бываетъ ў (быў, даў). При посредствѣ разсматриваемаго причастія образуется прошедшее, давнопрошедшее время и условное наклоненіе: прасиў, прасиў быў, каб Мацѣй быў ў вѣдзьму не павѣрыў, не алгрыз быб арганисту носа.

Для означенія мгновенности дѣйствія употребляются отглагольныя междометія: сабака х а п мясо, баба б р ы к да гары нагами.

Отъ с т р а д а т е л ь н а г о з а л о г а есть только причастіе прошедшаго времени да неопредѣленное, образованное съ этимъ причастіемъ: битый, быць биту, зва́ный.

в) *Особенности синтаксиса.*

Въ отношеніи синтаксиса бѣлорусское нарѣчіе, въ сравненіи съ великорусскимъ и малорусскимъ, представляетъ мало отличій [1]). Нѣкоторыхъ синтактическихъ особенностей мы уже касались въ разныхъ мѣстахъ въ морфологіи, напр., особенностей въ употребленіи рода, числа, словъ собирательныхъ, отчасти падежей. Здѣсь прибавимъ еще нѣсколько чертъ.

---

[1]) Они изложены въ н а ш е й книгѣ: „Бѣлорусы“, II т., вып. 3: Очерки синтаксиса бѣлорусскаго нарѣчія. Варшава, 1912.

Что касается особенностей въ употребленіи числа, то въ бѣлор. нарѣчіи къ словамъ, употребляемымъ только во множественномъ числѣ, въ сравненіи съ великорусскими говорами, можно прибавить: кру́пы, коно́пли, грудзи (грудь), калёсы (телѣга), при великор. ед. числа «жито»—множ. число «жита́»; множ. ч. для означенія времени: пѣтухи́, дзѣды, коляды, прыѣхаў да кур, миръ... до купалъ 1349; множ. ч. для означенія состоянія лица: шо́лудзи, сухо́ты, на за́работкахъ, ици́ ўпро́чки, пойдзем наўцёки; для означенія населенныхъ мѣстъ: Волосо́вичи, Кобы́льники (въ старину и земель: соущꙋ ж ємоу оу Немца̑, поидѣ во Оугры XVI в.), вообще названія мѣстъ: паста́ў ў галава́х, ў нага́х; для означенія почтенія: Маць Прачистая вярницеся; стойце пане дзядзьку; мой тато паѣхали и т. д. (Бѣлорусы, II, 3, 31—36).

Подлежащее обыкновенно выражается именительнымъ падежомъ. Объ употребленіи звательнаго въ роли подлежащаго уже была рѣчь (стр. 40). Тутъ отмѣтимъ еще одинъ рѣдкій случай выраженія подлежащаго числительнымъ съ предлогомъ: прышли́ ў пяцёхъ, зрабили ў двох, жыли́ ў шасцёх.

Въ выраженіи сказуемаго составного обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что имъ бываетъ обыкновенно полная, а не краткая форма прилагательнаго: наш поп малады, яго вус залаты́. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русской литературной рѣчи исключительно возможна форма творительнаго падежа (для означенія временнаго состоянія), въ бѣлорусскомъ нарѣчіи допустимъ и именительный падежъ: ён быў хво́ры, зрабиўся вяли́ки ду́рень и т. д. Какъ и въ русской литературной рѣчи, связка въ настоящемъ времени обыкновенно отсутствуетъ, но въ народной поэзіи она нерѣдко бываетъ налицо, при чемъ однако замѣчается смѣшеніе лицъ: я ёсь одзи́н у до́ми, а есьм Мики́та и т. д.

Въ безличныхъ предложеніяхъ въ роли подлежащаго фиктивнаго иногда выступаетъ мѣстоименіе «яно»: яно́ пра́ўда; яно́ здае́тца мо́жно зрабиць, але́ не́ для чаго. Въ этомъ отношеніи у бѣлорусовъ нѣкоторое сходство съ малорусами. Вообще разные виды безличныхъ предложеній очень распространены въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: но́ги его хо́чено переби́ць; нима́ш стра́ху; ў мо́ры га́ду ёсць, кото́рому ли́чбы

немаш; гэто будзе знаць; яна табѣ не трéба будзе; от слёз не видáць свѣту бóжаго; нимá чáсу; ой чуць, мáтко, чуць: слыхóм було слыхáць, а цяпер и у глазы ґвидáць; кáжуць, скоро вайнá будзе; у календарѣ пише, што будзе дощ; гарох паѣло мóшками.

Времена глагола-сказуемаго употребляются такъ же, какъ и въ литературной рѣчи. Болѣе рѣдки слѣдующіе случаи: употребленіе настоящаго вида совершеннаго (будущаго) для означенія прошедшаго дѣйствія: мы поустрѣкáли вóука. Як азирнéтца ён на нас, аж у вочáх пацямнѣло. Подобныхъ случаевъ не мало въ старомъ языкѣ: и князь…, събравъ… рать, поиде… противу отца…, и съимуться на Вельи… и ту перевезѣться рать, и поидуть къ Трокомъ, и пришедши оступять Троки… Лит. лѣт.

Въ употребленіи наклоненій тѣ же особенности, что и въ литературной рѣчи. Отмѣтимъ развѣ значительно большее распространеніе неопредѣленнаго въ разныхъ значеніяхъ, какъ можно видѣть изъ ниже приведенныхъ примѣровъ: ну, як ици, дык ици—потхóдзиць; от ѣдзець. Як ѣхаць, дык ѣхаць—узъѣзжаець на чистое поле; як бѣхчы, дык бѣхчы—узбѣгаець ён, лошадзь—разинуў рот на еты снопы. Тольки проглыцúзь—казак Михайла хвациў яе за грыву. Иногда въ подобной роли является повелительное: як бяжы яны, бяжы, прыбѣгають яны к рыбаку. Укажемъ еще употребленіе вм. повелительнаго наклон. формы прошедшаго времени: пашóў вон! каб ты здох! чýла—чýла! (слушай! обращеніе къ женщинѣ). При 3 лицѣ повелительнаго употребляется «нихáй» или «хай»: нихáй рóбяць, хай нясé.

Что касается залоговъ, то формъ страдательнаго залога, какъ и вообще въ русской народной рѣчи, нѣтъ. Причастіе прошедшаго времени довольно употребительно, но личныхъ формъ страдат. залога нѣтъ. Обычны безличныя выраженія съ страдательнымъ причастіемъ: не запильновали—и стох украдзено Орш.; разметано закон твой; лычиком завязано и т. д.; тысѧчьми аггл҃въ мело проважено бг҃ ıс҃ ха҃ въ нб҃о XVI в.

Изъ другихъ особенностей въ выраженіи сказуемаго отмѣтимъ попадающееся въ сказкахъ употребленіе причастія

вмѣсто глагольной формы: сам поѣхаў к отцу. Маць помёршы, тольки три дни ни заспѣу Городок. (но здѣсь можетъ быть и великоруссизмъ: сѣверная особенность).

Разныхъ случаевъ употребленія тѣхъ или другихъ падежей мы уже отчасти касались въ морфологіи. Здѣсь дополнимъ сказанное тамъ.

Винительный п. употребляется между прочимъ на вопросъ «гдѣ»: сидзиць канец стала; робиць по-канец рук; жыве край села.

По памяти о старомъ родительномъ при достигательномъ, а можетъ быть и просто родительный части или временнаго, такъ сказать, пользованія употребляется въ бѣлорусскомъ нарѣчіи послѣ неопредѣленнаго, зависящаго отъ глаголовъ движенія: пашли глядзѣць маста; камяни, идзиця топароў тупиць и под. Родит. п. употребляется и для означенія времени на вопросъ «когда»: голоднаго лѣта людзи ўмирали, тых дзён (въ то время), сего лѣта; терпѣла ѥсми тоѥ ночи XV в. Время выражается также разными формами съ предлогами: за Микалая Паўловича 25 гадоў служыли; еси чинил за часо̀ ихъ XVII в.

При сравнительной степени вм. родительнаго падежа обыкновенно употребляется род. съ предлогами *за*, *над* или *от*: лѣ́пшы за мяне́, сильнѣ́йшы од льва, бага́тшы нат цара́. Употребленія «чѣмъ» при сравн. степени почти не бываетъ: яны дальше ўдвайнѣ, чимси ўчора были. Обыкновенно бываетъ *нижс*, *як*.

Дательный падежъ для означенія цѣли движенія, довольно обычный въ старомъ языкѣ (поидеть Кракову Лит. лѣт., вздрыжа̄ю была земля XVI в., чемꙋ ѡпꙋсти̅ ѥси мене ib.), теперь извѣстенъ только въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: го́дзи, чему (= зачѣмъ). Нарѣчія: дамо́ў, дало́ў — формы мѣстнаго падежа — употребляются въ томъ же значеніи.

Дательнаго самостоятельнаго въ бѣлорусскомъ нарѣчіи конечно нѣтъ; но имѣются сложныя предложенія съ явными слѣдами разлагающагося дательнаго самостоятельнаго: женучы нам вепроў, то пан спаткаў нас; ѣдучы им по дарози, захацѣлося спаць Ялени и Ивану. То же въ старомъ языкѣ: мнѣ боуда старостаю — бо̄ ихъ прислалъ бы̄ XV, тои же зимы боудоущи королю во Кракове... Андрѣи Полоцькыи приде Лит. лѣт.

Для означенія мѣста, кромѣ формъ творительнаго падежа, употребляются еще нарѣчія въ формѣ творительнаго: кудóю, тудóю, сюдóю; кудымá, тудымá; сюдóю.

При поясненіи словъ дополненіями съ предлогами иногда наблюдаются отступленія въ сравненіи съ великорусскими говорами: сміяцца с каго; насмеѥсѧ с нй Пс. XVI в.; сміяцца коло мене Орш.; просиць о хлѣб; памятаў на Бога; радаваўся з гэтого; нехай сѧ з мене не рáують XVI в.; пацѣху мѣў с таго; прышоў да дóму (-домой); размножыцца пад пясок марски́; пашоў па грыбы. Обыкновенно «по», вм. дательнаго падежа, сочиняется съ предложнымъ: рос не па гадох, да па часох, да па минутах.

Старому западнорусскому нарѣчію и современному бѣлорусскому свойственна одна черта, отчасти извѣстная и великорусскому нарѣчію — повтореніе предлога передъ существительнымъ и опредѣленіемъ или приложеніемъ къ нему: поѣхаў ен под дуба, под етаго; пашли ў лазьню ў гэту. Въ старомъ языкѣ: втопити оу реце у Двине; поехà до лѹцка до вѣликого и т. д. Литов. лѣт.

Въ вопросительныхъ предложеніяхъ обычно ставится «ци» (рѣже «чы») въ началѣ предложенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ р. литературной рѣчи бываетъ «ли» (развѣ): ци ты гэтого не бачыў? реклъ боа̑зъ рѹте чи не слышишь дочко XVI в. Но вопросит. предложенія могутъ начинаться и съ другихъ словъ: чаму ты не прыйшоў? што гэто за людзи и т. д.

Въ сложномъ предложеніи обращаютъ на себя вниманіе способы соединенія придаточныхъ предложеній съ главными.

Поясненіе имени: той, што спиць...; Воидила, што былъ за него сестру свою далъ Лит. лѣт.; не застаў человѣка, бы им мѣў шкодзиць и т. д.

Выраженіе времени: ну як ищи, дык ищи — потходзиць.

Предложенія цѣли въ современной рѣчи не знаютъ союза «чтобы», а обыкновенно пользуются «каб» изъ «кабы»: прасиу, каб ты прыйшоў. Въ старомъ языкѣ большее разнообразіе: пре сеи миръ троудилисѧ... аж бꙑ миро былъ и дъ вѣка 1229 Смол., пошли Скиганла штобы ѡ здá присѧгѹ

Лит. лѣт., пришо абы суди землю XVI в. и др. (Бѣлор., II, 3, 258—261).

Въ условныхъ предложеніяхъ обыкновенно «коли»: кали сабяреш много грошей, будзеш багаты; коли пойдуть... и вы бы ихъ пропускали 1443; «каб»: каб не ўмерли, таб небо подперли. Въ старыхъ памятникахъ—аже, если и др. (Бѣлор., II, 3, 268—272).

То же «коли» и въ предложеніяхъ времени: кали ты прыѣхаў, мы уже ўсѣ спали; а коли миръ станеть, юрью кнѧзю города лишитисѧ 1439. Въ этихъ же предложеніяхъ очень распространено и «як»: ꙗк упiласѧ XV в.; як ѣм, и глух и нѣм.

Предложенія слѣдствія подчиняются союзами: «аж», «ажно», «ажны»: ꙋдари Голиаѳа в чело, аже ꙋвѧзъ камень в челе Скор., ён тады щуп за голаву, ажно ў яго рогi; байбак бяжыць, аж балахон яго дрыжыць.

Предложенія сравнительныя соединяются союзами: «як», «бы», «чым», «нiжли», «быць» («бытцам»), «моўляў»: смꙋтенъ ꙗкъ зезюля XVI в.; спиць як пшаницу прадаўшы; дудка цягне тонко, бы павуцина; задрыжали бы пьяные XVI в.; чимся так жыць, пайду лѣпiй к воўку; лѣпше ꙋбогi, нiжли можны XVII в.; дощ быць дым закурыўся; иншiя дзейкаюць, бытцам яны с прысыпушыў Климов.; «Литва! родна зямелька! Ты, моўляў, здароўе» Д.-Марцинкевичъ.

5. Бѣлорусскіе говоры.

Изъ опредѣленія границъ бѣлорусской территоріи можно было видѣть, на какомъ большомъ пространствѣ живутъ бѣлорусы и какъ разнообразны ихъ сосѣди; изъ краткаго очерка образованія бѣлорусской народности нельзя было не замѣтить также, что послѣдняя составилась изъ нѣсколькихъ племенъ. Имѣя все это въ виду, легко понять, что бѣлорусская рѣчь, будучи въ основныхъ чертахъ вездѣ сходной, въ разныхъ мѣстахъ въ подробностяхъ неодинакова. Вслѣдствіе этого является возможность говорить о бѣлорусскихъ говорахъ. Отдѣльныя черты ихъ подчеркивались въ разныхъ мѣстахъ. Главнѣйшія подраздѣленія два: югозападные говоры и сѣверовосточные.

Первымъ принадлежатъ: твердое *р*, усиленное аканье въ центрѣ, возможность *о* и *е* безударныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ областяхъ, лежащихъ къ югу, слѣды дифтонговъ, 3-ье лицо един. числа у основъ на -о- / -е- безъ -*ць*.

Сѣверовосточные говоры знаютъ и мягкое *р*, безударные гласные часто измѣняютъ какъ умѣренно акающіе южновеликорусскіе говоры (диссимилятивное аканье), знаютъ -*эй*, 3-ье л. единственнаго числа всегда на -*ць*: въ этихъ говорахъ постепенно усиливается великорусское вліяніе, особенно въ словарѣ, кое-гдѣ въ морфологіи и даже въ фонетикѣ.

Есть и другія черты различія обоихъ отдѣловъ: можно даже указать подраздѣленіе говоровъ, о чемъ подробнѣе говорится а) въ I т., 193—197, нашихъ «Бѣлорусовъ»; тамъ же дана и діалектологическая карта; б) въ «Опытѣ діалектологич. карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ Очерка русской діалектологіи» (Труды Моск. Діал. Ком.). Москва. 1915, 52—56.

Есть еще говоры переходные отъ бѣлорусскихъ къ южновеликорусскимъ, сѣверновеликорусскимъ и малорусскимъ, но этотъ вопросъ еще мало разработанъ въ наукѣ.

6. Рѣчь современныхъ бѣлорусскихъ писателей.

Употребляемая большинствомъ современныхъ бѣлорусскихъ писателей рѣчь имѣетъ въ своей основѣ сильно акающій отдѣлъ югозападныхъ говоровъ. По этому въ ней обычны *а* вм. *о* безударнаго, *р* твердое, 3-ье лицо безъ -*ць*. Но рядомъ съ этими основными чертами у нихъ допускаются нерѣдко и разные провинціализмы (въ родѣ -*е* вм. -*иць* въ 3 л. глаголовъ: любе вм. любиць), сильно рѣжущіе ухо лицъ привыкшихъ къ чистой народной рѣчи; нерѣдки и полонизмы въ словарѣ, а иногда даже въ фонетикѣ, чего конечно легко избѣжать, если быть внимательнымъ къ своему стилю.

СОДЕРЖАНІЕ.